Документы относящіеся къ Великой Европейской Войнѣ 1914.

№ 2.

СЕРГѢЙ ЗАРѢЧНЫЙ.

ЧЕРНАЯ КНИГА

О ЖЕСТОКОСТИ НѢМЕЦКОЙ.

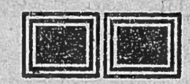
Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Т-ва „ГРАМОТНОСТЬ", 5-ая Рождественская 44.
1914.

Сергѣй Заречный.

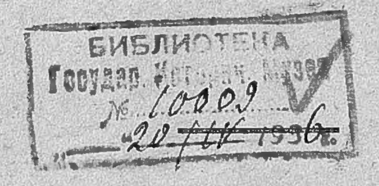
ЧЕРНАЯ КНИГА

О ЖЕСТОКОСТИ НѢМЕЦКОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Т-ва „Грамотность", 5-я Рождественская 44.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Нѣмцы прежде и теперь.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Когда говорятъ или пишутъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ, непремѣнно упоминаютъ имена Гете, Шиллера, Канта, точно эти міровые геніи виноваты въ чемъ-то.

И всѣ задаютъ одинъ и тотъ же вопросъ, какъ могъ народъ, зажжегшій столько солнцъ на небѣ человѣческаго духа, проявить такую звѣрскую жестокость, такое грубое варварство?

Очень просто: каждый народъ въ общей массѣ своей —ребенокъ, кусокъ воска, изъ котораго можно вылѣпить и чорта, и ангела. Все зависитъ отъ... «воспитанія».

Было время, когда Германія творила прекраснѣйшую легенду жизни и радовала міръ величайшими геніями во всѣхъ областяхъ человѣческаго разума и человѣческой красоты;но были времена, когда нѣмцы, руководимые алчными, честолюбивыми и жестокими вождями, порождали не добрыхъ геніевъ, а сверхъ-разбойниковъ, сверхъ-варваровъ.

Прочтите безхитростныя и до наивности правдивыя описанія нашего лѣтописца Семилѣтней войны Болотова и вамъ жутко станетъ отъ тѣхъ звѣрствъ, какія чинили тогда все тѣ же Пруссаки.

Прусскіе крестьяне,—повѣствуетъ Болотовъ,—когда стали «погребать побитыхъ, то метали они въ могилы не

только мертвыхъ, но и тяжело раненыхъ, лежавшихъ безпомощными на мѣстѣ сраженія и зарывали ихъ живыми въ землю. Тщетно несчастные сіи производили вопли, просили милосердія и стенаніями напрягали послѣднія свои силы, стараясь выдираться изъ-подъ труповъ; но вновь накиданныя на нихъ кучи придавляли оныхъ и лишали послѣдняго дыханія. Прусскіе писатели не стыдились замѣчать сіе обстоятельство въ своихъ о войнѣ сей исторіяхъ». Теперь пруссаки добиваютъ раненыхъ и отравляютъ стрихниномъ свой провіантъ—все во имя «цивилизаціи, культуры и святого германскаго дѣла».

Съ плѣнными пруссаки и тогда не церемонились.

Вотъ, напримѣръ, такой разсказъ. Попался въ плѣнъ нашъ казакъ. Генералъ замѣтилъ на шеѣ казака образокъ и почему-то захотѣлъ отнять его. Казакъ не отдавалъ его. стараясь закрыть его руками. Генералъ сталъ бить его по нимъ палкою и, хотя руки избиваемаго вспухли и почернѣли, онъ все-таки продолжалъ держать свое сокровище и не отдавать его Нѣмцу. Тогда разъяренный генералъ началъ его бить тою же палкою по лицу и по головѣ, въ конецъ изуродовавши несчастнаго.

Описывая взятіе нами и Австрійцами Берлина, Болотовъ рисуетъ такую картину:

«Цесарскіе солдаты брали все, что только могли захватить руками и утащить съ собою. Берлинъ заполнился тогда кроатами, гусарами, которые посреди дня вламывались въ домы, грабили, били, уязвляли людей ранами. Кто опаздывалъ на улицахъ, тотъ съ головы до ногъ былъ обдираемъ. Австрійцы, какъ говорили сами берлинцы, превзошли далеко въ семъ кого бы то ни было. Они не хотѣли слышать ни о какихъ условіяхъ и капитуляціяхъ, но слѣдовали своей національной ненависти и охотѣ къ хищеніямъ, чего ради принужденъ былъ Тотлебенъ ввесть въ городъ больше россійскаго войска и нѣсколько разъ

даже стрѣлять по хищникамъ. Они вламывались, какъ бѣшеные, въ королевскія конюшни, которыя по силѣ капитуляціи охраняемы были россійскимъ карауломъ. Лошади изъ нихъ были повытасканы, кареты королевскія ободраны и потомъ изрублены въ куски. Самые госпитали, богадѣльни и церкви пощажены не были, но повсюду было граблено и разоряемо. Жадность къ тому была такъ велика, что самые Саксонцы, сіи лучшіе и порядочнѣйшіе солдаты, сдѣлались въ сіе время варварами и совсѣмъ на себя не похожими. Имъ досталось квартировать въ Шарлотенбургѣ, городкѣ за милю отъ Берлина. Они съ лютостью и звѣрствомъ напали на королевскій дворецъ и разломали все, что ни попалось имъ на глаза. Наидрагоцѣннѣйшія мебели были изломаны, исковерканы, зеркала и фарфоровая посуда перебиты, дорогіе обои изорваны въ лоскутки, картины и множество вещей было растаскано и расхищено. Всего болѣе было жаль королю прусскому хранимаго тутъ прекраснаго кабинета рѣдкостей, составленнаго изъ однихъ антикъ и собраннаго съ великими трудами и коштами. Бездѣльники и оный не оставили въ покоѣ: всѣ статуи переломали, перековеркали и перепортили. Жители шарлотенбургскіе думали было откупиться, заплативъ контрибуцію въ 15 тысячъ талеровъ, но они въ томъ обманулись. Всѣ ихъ дома были выпорожнены, все, чего нельзя было унесть съ собою, переломанō, перебито и перепорчено, мужчины избиты и изранены саблями, женщины и дѣвки изнасилованы; нѣкоторые изъ мужчинъ до того были избиты и изранены, что испустили духъ передъ глазами своихъ мучителей.

«Такое же зло и несчастіе претерпѣли и другія мѣста въ окрестностяхъ Берлина, и все отъ цесарцевъ, нежели отъ нашихъ Русскихъ, потому что сіи, дѣйствительно, наблюдали и въ самомъ городѣ столь великую дисциплину, что жители берлинскіе при выступленіи нашихъ и отъ-

ѣздѣ бывшаго на время берлинскимъ комендантомъ бригадиру Бахману поднесли черезъ магистратъ 10 тысячъ талеровъ въ подарокъ, въ благодарность за хорошее и великодушное его поведеніе. Но онъ сдѣлалъ славное дѣло: подарка сего не принялъ, а сказалъ, что довольно награжденъ и той честью, что нѣсколько дней былъ комендантомъ Берлина».

Таковы были Швабы и Пруссаки въ мрачную эпоху Семилѣтней войны.

Однако, когда кровавыя волны безконечныхъ войнъ улеглись и народами этими стали управлять вожди, осѣненные идеями высшаго порядка, нѣмецкая земля расцвѣла и прекраснѣйшіе плоды человѣческой мысли духовно обогатили Германію и подняли ее на самую высокую вершину земныхъ достиженій.

Но вотъ на тронъ взошелъ Вильгельмъ II-ой и въ какіе-нибудь двадцать лѣтъ Германія превратилась въ огромную сплошную казарму.

Все, самое драгоцѣнное, самое глубокое и возвышенное—пророческіе гимны Гете, волшебная музыка Моцарта, сверкающій разумъ Канта—все заглушилъ барабанный бой воинственнаго монарха.

Храмы еще остались, остались и боги, но молящихся уже нѣтъ. Ихъ замѣнили солдаты и коммивояжеры.

Вотъ почему современные пруссаки такъ напоминаютъ своихъ предковъ во времена Семилѣтней войны.

И какъ тогда, такъ и теперь виноватъ не народъ, а тѣ вожди, что волею судебъ обрѣли неограниченную власть и во имя личныхъ выгодъ, ради насыщенія безумнаго тщеславія, очерствили душу человѣческую и растоптали священнѣйшіе идеалы, созданные геніемъ народнымъ.

Въ предлагаемой нами книгѣ о нѣмецкихъ звѣрствахъ, мы не станемъ сгущать красокъ, а постараемся

спокойно, безъ всякаго раздраженія, подобно Болотову, зафиксировать только тѣ факты, которые строго провѣрены, какъ нашими властями, такъ и властями нашихъ союзниковъ. При этомъ будемъ придерживаться хронологическаго порядка, начиная съ 19 іюля — день объявленія войны—и кончая 17 августа, когда Вильгельмъ, испугавшись мірового протеста, вынужденъ былъ отдать приказъ по арміи обращаться съ противниками *по-человѣчнѣе.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Коронованный агитаторъ.

Обыкновенно передъ забастовками или передъ погромами появляются агитаторы, люди никому невѣдомые, но обладающіе крѣпкой глоткой и отчаянной дерзостью. Агитаторы дѣйствуютъ на толпу не логикой, не разумомъ, а дикими выкриками, рѣзкими тѣлодвиженіями, истерическими воплями и словами подчасъ безсмысленными, но страшными.

Вотъ такого именно агитатора разыгралъ императоръ Германіи Вильгельмъ II-ой въ историческій день 19 іюля 1914 года.

Около полудня многотысячная толпа народа съ криками и пѣніемъ гимна прошла Unter den linden, остановилась на Дворцовой площади и стала взывать къ «Кайзеру».

И на балконѣ дворца показался Вильгельмъ въ полной парадной формѣ, увѣшанный орденами прусскими и австрійскими. Въ правой рукѣ онъ держалъ бѣлый свертокъ какихъ-то бумагъ. Давъ народу излить свои чувства, Вильгельмъ широкимъ жестомъ руки водворилъ тишину, а затѣмъ, напитавъ голосъ театральной слезой, заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Дѣти мои! Весь свѣтъ знаетъ, какія усилія употреблялъ я на то, чтобы сохранить въ Европѣ миръ. Но

сѣверный сосѣдъ нашъ насильно втянулъ насъ въ войну и угрожаетъ намъ полнымъ уничтоженіемъ. Дѣти мои, Россія такъ велика, что у многихъ помѣщиковъ имѣется столько земли, сколько нѣтъ въ самомъ большомъ королевствѣ, входящемъ въ составъ Германской имперіи. Дѣти мои, черезъ двадцать пять лѣтъ насъ будетъ двѣсти милліоновъ, но и теперь намъ уже не хватаетъ земли. Нашимъ бѣднымъ крестьянамъ приходится сажать картофель на крышахъ своихъ домовъ. Такъ неужели же мы дадимъ русскимъ варварамъ возможность отнять у насъ нашу землю, обильно политую нѣмецкой кровью...

Тутъ Вильгельмъ долженъ былъ остановиться: народъ огласилъ площадь такими криками, что, казалось, само небо задрожало.

Каждое слово вѣнценоснаго агитатора раскаленнымъ желѣзомъ падало на толпу и горячило кровь и мутило мозгъ.

Цѣль была достигнута: народъ, опьяненный лаской, жалобой и угрозой кайзера, совершенно обезумѣлъ и съ дикими нечеловѣческими криками разсыпался по всему Берлину.

И съ этого дня начались нѣмецкія звѣрства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

„Подвиги“ берлинцевъ.

Обычно спокойные и вѣжливые нѣмцы превратились въ звѣрей: стоило только кому-нибудь заговорить на улицѣ по-русски, какъ толпа немедленно набрасывалась на него и нещадно избивала.

На вокзалѣ, куда бросились русскіе, желая покинуть варварскую страну, нѣмцы плевали имъ въ лицо, забрасывали известкой и камнями.

Всюду раздавались крики—«Вонъ, русскія свиньи».

Первой жертвой насилій, чинимыхъ нѣмцами, палъ студентъ еврей Якобсонъ.

Въ одной изъ многочисленныхъ въ Берлинѣ пивныхъ, за столикомъ, мирно бесѣдуя, сидѣла компанія русскихъ студентовъ. Напротивъ сидѣли студенты корпоранты. Послѣдніе были нѣсколько навеселѣ.

— Товарищи,—воскликнулъ одинъ изъ корпорантовъ,—сегодня ночью истекаетъ срокъ нашего ультиматума Россіи. Сегодня ночью мы объявляемъ войну вотъ этимъ свиньямъ,—добавилъ онъ, указывая на группу русскихъ студентовъ.—Мы будемъ бить ихъ въ Россіи и въ Германіи.

Отъ группы русскихъ студентовъ отдѣлился Якобсонъ и подойдя къ обидчикамъ сказалъ:

— Я еврей, но русскій подданный, оскорбляя Россію, вы оскорбляете и меня, а потому я требую, чтобы вы немедленно взяли свои слова обратно.

Въ отвѣтъ на это, говорившій студентъ корпорантъ ударилъ Якобсона по головѣ пивной кружкой, и Якобсонъ упалъ на полъ мертвымъ.

Въ пивной поднялась страшная драка. Въ воздухѣ носились кружки, стулья и палки.

Ненависть и злоба росли въ Берлинѣ съ каждой минутой. Русскимъ нельзя было показываться на улицѣ: озвѣрѣвшіе нѣмцы охотились за ними и, поймавъ, оскорбляли словами и дѣйствіемъ. При этомъ никого не щадили: старики, дѣти, молодыя дѣвушки и старухи, богатые и бѣдные—всѣ подвергались одной участи.

Узнавъ гдѣ живетъ бывшій русскій военный агентъ въ Германіи полковникъ Базановъ, толпа отправилась къ дому, гдѣ находилась семья полковника и подъ окнами устроила возмутительную демонстрацію.

Полковникъ Базановъ за нѣсколько дней до войны уѣхалъ изъ Берлина, оставивъ тамъ свою жену и дѣтей. И вотъ въ субботу 19 іюля (1 августа), въ день объявленія войны, передъ домомъ г-жи Базановой (Sächsische stresse, 69), собралась толпа берлинцевъ. Былъ въ толпѣ и жившій въ одномъ домѣ съ Базановыми прусскій майоръ генеральнаго штаба фонъ-Вальдовъ (v. Waldow).

Толпа устроила подъ окнами г-жи Базановой кошачій концертъ. Неслись самыя отборныя ругательства. Когда изъ дома вышла г-жа Базанова съ своей сестрой, гувернанткой и тремя дѣтьми и стали садиться въ автомобиль, чтобы ѣхать на вокзалъ, крики и угрозы стали еще сильнѣе. По адресу несчастныхъ женщинъ изъ толпы неслось: Russische Hunde, Schweine и т. п.,

Полиція не только не препятствовала оскорбленіямъ, но поощряла демонстрантовъ. Тѣ, ободренные попусти-

тельствомъ шуцмановъ, кинулись къ автомобилю. Не успѣй шофферъ во время пустить машину, демонстранты избили бы несчастныхъ женщинъ.

Въ тотъ же день полиція арестовала всѣхъ русскихъ «fort von hier unverschämte Russen», Russenbande, мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ. Среди арестованныхъ были Ф. Ф. графъ Юсуповъ кн. Сумароковъ-Эльстонъ, котораго продержали въ участкѣ болѣе шести часовъ. Лишь благодаря шагамъ, предпринятымъ ея высочествомъ княгиней Ириной Александровной, которая совершенно больная поѣхала хлопотать за своего мужа, графъ Юсуповъ былъ отпущенъ на свободу. Среди арестованныхъ были также: сенаторъ графъ Паленъ, московскій профессоръ докторъ Бѣляевъ, Субботинъ, Голумбіевскій, Давичъ и др. Всѣхъ ихъ выпустили изъ тюрьмы, благодаря заступничеству испанскаго посла.

На вокзалѣ въ Ростокѣ были арестованы всѣ русскіе, среди нихъ камеръ-юнкеръ бар. Тизенгаузенъ. Всего было арестовано до 600 человѣкъ.

Въ Копенгагенѣ получено отъ арестованныхъ письмо. Всѣхъ ихъ поставили на принудительныя работы. Одни мостятъ ростокскія улицы, другіе должны сопровождать городской обозъ.

Бар. Тизенгаузена заставили писать на пишущей машинкѣ въ канцеляріи ростокскаго полиціймейстера.

Ѣсть никому не даютъ. Каждый долженъ питаться на свои средства.

Прибывшіе изъ Германіи женщины съ ужасомъ разсказываютъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ Германіи. Берлинскіе полицейскіе и солдаты врывались по ночамъ въ гостиницы, гдѣ жили Русскіе, и производили безсмысленные обыски. Несмотря на протесты,

солдаты врывались въ спальни и стаскивали съ кроватей раздѣтыхъ женщинъ.

То же самое происходило и въ поѣздахъ. Нѣмцы, не щадя женской стыдливости, заставляли всѣхъ русскихъ дамъ раздѣваться до нага. Въ одной русской дамѣ, обладающей очень высокимъ ростомъ, Нѣмцы заподозрили переодѣтаго русскаго солдата. Несмотря на возмущеніе находившагося въ этомъ же вагонѣ сенатора графа Палена, Нѣмцы въ присутствіи мужчинъ совершенно раздѣли даму.

Въ ста километрахъ отъ Берлина, на станціи Нейстрелецъ пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пассажиры были встрѣчены драгунами. Солдаты накинулись на Русскихъ, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, и избили ихъ прикладами. Затѣмъ началась процедура обыска. Мужчинъ не обыскивали, обыскивали только женщинъ и притомъ наиболѣе молодыхъ. Обыскъ производили трое лейтенантовъ подъ громкій хохотъ своихъ товарищей и солдатъ. Присутствовалъ здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не запрещалъ оскорблять дамъ, но всячески имъ потакалъ. Сцены этого обыска были настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генералъ приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Вотъ что разсказываетъ бывшій нашъ посолъ въ Берлинѣ С. Н. Свербеевъ о своемъ отъѣздѣ изъ Германіи:

На вокзалѣ къ нашимъ услугамъ былъ приготовленъ спеціальный поѣздъ на 100 слишкомъ человѣкъ. Этимъ поѣздомъ воспользовались не только чины посольства, но и другіе наши соотечественники, оставить которыхъ въ Берлинѣ я не считалъ возможнымъ, ибо на лицо были всѣ данныя, что они будутъ немедленно арестованы. Никакихъ самыхъ элементарныхъ удобствъ намъ предоставлено не было, и тотъ безпорядокъ, который царилъ на

вокзалѣ въ моментъ нашего отъѣзда, менѣе всего свидѣтельствовалъ о проводахъ иностраннаго посла, хотя бы и воюющаго государства. Конечно, мы не испытали въ пути тѣхъ безчеловѣчныхъ жестокостей, которымъ подверглись другіе наши соотечественники, но все же Нѣмцы и на насъ сорвали то непонятное мнѣ чувство, которое превратило ихъ въ варваровъ. Мои спутники, напримѣръ, несмотря на всѣ просьбы, не могли получить по дорогѣ ни одного стакана воды. Кончилось тѣмъ, что мнѣ лично пришлось заявить по этому поводу самый рѣзкій протестъ и только послѣ этого на одной изъ станцій намъ продали нѣсколько бутылокъ воды.

Я забылъ упомянуть о томъ, что нѣмецкія власти начали къ намъ придираться еще за нѣсколько дней до объявленія войны. Такъ, напримѣръ, на улицахъ Берлина были произведены аресты нѣсколькихъ чиновъ нашего посольства, въ томъ числѣ, между прочимъ, секретаря нашего генеральнаго консульства.

Такъ отплатили намъ нѣмцы за наше корректное отношеніе къ Германскому послу, которому для отъѣзда, былъ предоставленъ цѣлый поѣздъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Выгнанные.

Иначе и нельзя назвать тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые имѣли несчастье очутиться въ Германіи въ дни «патріотическаго» подъема нѣмцевъ.

Крики: «Вонъ, русскія свиньи!» — раздавались на каждомъ шагу. Глумленіямъ, издѣвательствамъ и оскорбленіямъ не было конца со стороны «гостепріимныхъ» нѣмцевъ.

Вотъ что разсказываютъ нѣкоторые изъ выгнанныхъ. Передъ объявленіемъ войны, въ Швейцаріи, какъ и всегда, жило много лечившихся въ курортахъ, среди которыхъ, помимо русскихъ, было много англичанъ, датчанъ, шведовъ и др. 19 іюля уже не выдавали билетовъ на Базель, такъ что пришлось ѣхать на Берлинъ, чрезъ Штуттгардтъ и Шафгаузенъ. Нѣмцы сажали насъ въ вагонъ для скота. На слѣдующій день мы добрались до Берлина. На вокзалѣ мы пробовали купить что-нибудь въ буфетѣ, такъ какъ не ѣли ничего двое сутокъ. Лишь только кто-либо изъ насъ подходилъ къ буфету, тотчасъ же и отскакивалъ отъ него. Потрясая кулаками, жирные, наглые нѣмцы кричали:

— Вонъ отсюда, русскія свиньи, если не хотите быть избитыми!..

Около вокзала разбросано много кафе. Думали тамъ что-нибудь купить. Еще хуже. Всѣ кафе биткомъ набиты пьяными хулиганами, сыщиками и какимъ-то отбросомъ.

Всѣхъ тѣхъ, кто подходилъ къ кафе, вся эта пьяная банда оскорбляла не только словами, но и дѣйствіями, а иныхъ хватали и куда-то волокли...

Наконецъ, около пяти часовъ утра, голодные, усталые отъ трехъ безсонныхъ ночей, мы выѣхали на Варнемюнде съ тѣмъ, чтобы съ первымъ пароходомъ добраться до береговъ Даніи. Вотъ тутъ-то и начинается тотъ кошмаръ, который никѣмъ изъ насъ не забудется во всю жизнь.

Когда поѣздъ остановился около Нейстрелица, на платформѣ насъ встрѣтили: полиція, жандармы, вахтеры, сыщики. И тотчасъ же вся эта банда,—иначе ихъ назвать нельзя,—стала выталкивать насъ изъ вагоновъ и выбрасывать наши вещи. Это называется—обыскъ. Многіе во время этой сутолоки захватывали чужія вещи, многіе остались здѣсь же на платформѣ, такъ что сплошь и рядомъ одни дѣти, безъ родителей, были увезены неизвѣстно куда. Многіе изъ насъ остались тутъ же, такъ какъ поѣздъ стоялъ всего двѣ минуты.

Оставшихся въ Варнемюнде, подъ конвоемъ обыскивавшей пассажировъ банды, отправили въ казармы.

Мы всѣ были обезсилены голодомъ и безсонными ночами, особенно женщины и дѣти. Естественно, многіе отставали. Ихъ «подгоняли» прикладами, кулаками, ножнами отъ шашекъ.

Отстаетъ старикъ... Разъ!.. Раздается глухой ударъ въ спину прикладомъ. Онъ со стономъ валится на землю.

Съ женщинами истерика. Дѣти надрываютъ душу нечеловѣческими криками. Съ нѣкоторыми происходитъ буквально столбнякъ. Картина ужасная.

А вслѣдъ намъ раздавалась ругань, самая отборная, толстыхъ безобразныхъ нѣмокъ. Онѣ подбодряли озвѣрѣвшихъ солдатъ и жандармовъ криками:

— Бей ихъ, русскихъ свиней. Научи ихъ, мерзавцевъ маршировать!..

И тѣ, подбодренные, били...

Такая сцена.

Какой-то господинъ во время «обыска» на ст. Варнемюнде впопыхахъ захватилъ чей-то свертокъ. По дорогѣ въ казармы онъ развернулъ свертокъ, увидѣлъ, что это не его вещи, и бросилъ его въ сторону. Это замѣтилъ полицейскій и спустилъ на него полицейскую собаку. Моментъ, и та вцѣпилась этому господину въ горло. Въ слѣдующій моментъ онъ лежалъ на землѣ, а на немъ собака. Она терзала его, какъ тряпку, грызла лицо, которое моментально превратилось въ одну сплошную рану. Пока на его крики подошелъ полицейскій чинъ, онъ былъ буквально весь истерзанъ собакой.

Трудно описать, то, что произошло тогда. Женщины лишались сознанія, дѣти судорожно впивались руками въ перваго попавшагося, моля о защитѣ. Случалось, что они цѣплялись за полицейскихъ, и тѣ отбрасывали ихъ, какъ собакъ...

Добрались до Ростока. Намъ запретили разговаривать въ вагонѣ и открывать окна. Когда мы остановились въ Ростокѣ, нѣмецкіе вахтеры раскрыли въ вагонахъ окна и, что было мочи, въ длинныя трубы стали играть «Стражу на Рейнѣ»... Получалось что-то дикое, что совершенно оглушало и доводило до новыхъ истерикъ...

Въ Ростокѣ насъ раздѣлили по возрасту: мужчинъ до 50 лѣтъ, а также всѣхъ докторовъ, оставляли въ качествѣ военноплѣнныхъ, а старше—отпускались...

И вотъ мы кое-какъ добрались до Россіи».

Вернувшійся изъ Берлина проф. М. Я. Пергаментъ, разсказывая о своемъ путешествіи, продолжавшемся почти двѣ недѣли, прибавляетъ новые штрихи къ извѣстнымъ уже мученіямъ, перенесеннымъ русскими путешественниками, выгнанными изъ Германіи.

Профессоръ отмѣчаетъ удивительную растерянность нѣмцевъ, которые, въ первые дни послѣ объявленія войны, совершенно не могли разобраться въ получаемыхъ ими инструкціяхъ. Каждые полчаса появлялось то одно, то другое начальствующее лицо, дававшее совершенно противоположныя распоряженія. Иногда по цѣлымъ днямъ совершенно забывали о нѣсколькихъ стахъ русскихъ путешественниковъ, закрытыхъ въ вагонахъ.

Не говоря о томъ, что всѣ русскіе оставались безъ пищи, никого не выпускали для отправленія естественныхъ надобностей. Особенно тяжело это было для дѣтей, которыхъ въ поѣздѣ оказалось очень много. На почвѣ неизвѣстности и страховъ въ этой партіи русскихъ путешественниковъ 6 женщинъ сошло съ ума, безконечное множество билось въ истерикѣ и падало въ обморокъ. Одна женщина впала въ буйное помѣшательство, и московскому профессору Д. М. Генкину пришлось 24 часа держать ее за руки, такъ какъ она грозила вырвать себѣ глаза, выброситься изъ вагона и т. п.

Перевозимымъ съ одного мѣста на другое партіямъ русскихъ путешественниковъ приходилось ночевать на скотопригонномъ дворѣ, въ бойняхъ, на улицѣ и т. д. Возили ихъ въ товарныхъ вагонахъ. Обыскивали безъ конца.

Проф. Пергаменту пришлось также очутиться на пресловутомъ островѣ Рюгенѣ. Однако, партію русскихъ тамъ продержали недолго, хотя нѣмцы и угрожали имъ, что заставятъ русскихъ работать во все время военныхъ дѣйствій.

Въ партіи, въ которой находился проф. Пергаментъ, оказались также проф. Котляревскій, прис. пов. Сліозбергъ, проф. московскаго университета Ф. И. Брандтъ, проф. московской консерваторіи Василенко, доцентъ московскаго коммерческаго института Д. П. Генкинъ и др.

Профессоръ Н. П. Ланговой разсказываетъ о томъ,

что вѣрные сыны Вильгельма не нашли ничего лучшаго, какъ держать русскихъ на скотопригонномъ дворѣ.

«А. Н. Крименецкій, командированный мною съ научной цѣлью въ Берлинъ, выѣхалъ оттуда 22-го іюня на Штеттинъ. [illegible]

Прибывъ въ этотъ городъ, онъ рѣшилъ отдаться во власть полиціи. Отправился въ полицейскій постъ, откуда его подъ конвоемъ двухъ шуцмановъ послали къ главному комиссару, который распорядился препроводить его на вокзалъ, гдѣ А. Н. былъ переданъ въ распоряженіе воинской команды, охранявшей толпу русскихъ около полутора тысячъ человѣкъ. Попавъ въ эту среду, А. Н. сразу убѣдился въ томъ глубокомъ и возмутительномъ издѣвательствѣ, которое продѣлывалось воинской командой надъ русскими беззащитными путешественниками. Офицеры и солдаты стучали прикладами по асфальту и кричали, что если кто двинется, всѣхъ разстрѣляютъ. Сцены ужаса не поддаются описанію. Женщины были въ истерикѣ. Одна беременная женщина отъ испуга родила тутъ же въ толпѣ. Всѣхъ держали долго подъ такой охраной. Наконецъ женщины обратились съ вопросомъ къ командиру этого взвода, куда ихъ направятъ. Послѣдовалъ отвѣтъ, подъ взрывъ смѣха солдатъ: «На бойню, васъ всѣхъ тамъ заколютъ». Представьте себѣ, что черезъ нѣсколько часовъ этого издѣвательства русскихъ дѣйствительно доставили на бойню и погнали подъ охраной вооруженной силы въ сарай для помѣщенія овецъ. Сарай этотъ, размѣромъ 50 саж. длиной и 30 шириной, разбитъ на отдѣльныя стойла. Въ каждомъ стойлѣ помѣстили до 30—40 человѣкъ. Стойла заперли, весь сарай также, и окружили воинской охраной. А. Н. пришлось помѣщаться съ графиней Ч. и другими несчастными, бѣжавшими съ курортовъ, причемъ большинство было безъ копѣйки денегъ. Такъ какъ было предоставлено на выѣздъ всего два часа, то большинство не могло ни получить денегъ въ банкахъ, ни по-

лучить денегъ по переводамъ. Вся толпа была въ тѣхъ костюмахъ, какъ ихъ застали. Въ этихъ стойлахъ продержали двое сутокъ. Воды намъ не давали. Въ полдень и вечеромъ намъ приносили пищу: холодный кофе безъ сахара и совсѣмъ непригодный полусѣрый хлѣбъ, все это отпускалось за деньги, а у кого не было ихъ, тѣмъ ничего не давали. Въ ужасномъ положеніи находились русскіе рабочіе, которые отправились въ Германію на полевыя работы. Нѣмецкіе сельскіе хозяева ихъ расчитали по-нѣмецки, такъ что они остались безъ копѣйки денегъ.

— Мы всѣ, — говоритъ А. Н., — старались помочь этимъ несчастнымъ. Изъ моихъ небольшихъ остатковъ я передалъ сто марокъ. Долженъ засвидѣтельствовать, что попавшіеся вмѣстѣ съ нами польскіе магнаты щедро помогали русскимъ рабочимъ. Кто давалъ 500 марокъ, а кто и 1.000 марокъ. Но къ сожалѣнію, тамъ осталось безъ крова и безъ средствъ около 50 тысячъ русскихъ рабочихъ.

— Продержавъ двое сутокъ въ овечьихъ стойлахъ, насъ, какъ овецъ, погнали на пароходъ. Повезли неизвѣстно куда. Затѣмъ выпустили на ближайшій островъ, совершенно покинутый жителями, но не разрѣшили помѣститься въ зданіяхъ, а оставили подъ открытымъ небомъ. Здѣсь стали приходить торговки и продавали намъ по страшно дорогой цѣнѣ такого рода продукты, которые могли быть нами потребляемы исключительно благодаря голоду. Затѣмъ насъ снова посадили на пароходъ и когда мы вышли въ море, то германскій крейсеръ потребовалъ, чтобы мы возвратились обратно подъ угрозой разстрѣла германскаго же парохода. Наконецъ послѣ всѣхъ мытарствъ насъ выбросили въ Швеціи.

А. Н., человѣкъ съ большимъ самообладаніемъ и не нервный, говоритъ, что онъ не забудетъ тѣхъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ средѣ ничѣмъ непо-

винныхъ мирныхъ русскихъ гражданъ, имѣвшихъ несчастіе посѣтить Германію».

О дѣйствіяхъ нѣмецкихъ башибузуковъ разсказываетъ гласный московской городской думы П. А. Котовъ.

— Проѣхалъ я черезъ Германію весьма благополучно, если не считать нѣсколькихъ остановокъ въ пути. Но въ Стокгольмѣ я встрѣтилъ графиню С., и та разсказала мнѣ ужасы о путешествіи другой группы русскихъ.

Графиня С. вмѣстѣ съ фрейлиной Ихъ Величествъ графиней П. и генераломъ К. выѣхали 19-го іюля изъ Берлина черезъ Торнъ.

Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Торна графиню вмѣстѣ съ другими путешественниками высадили въ полѣ.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько часовъ всѣхъ русскихъ посадили въ товарные вагоны для свиней, заперли и повезли въ Штеттинъ.

Въ Штеттинѣ загнали прикладами въ помѣщеніе для привозимаго по желѣзной дорогѣ скота.

При этомъ германскіе офицеры «шутили» съ дамами, говоря:

— Спокойнѣе. Не волнуйтесь такъ. Васъ откормятъ, а потомъ вы пойдете на колбасу для нашихъ солдатъ.

Въ 11 час. ночи ихъ снова согнали въ поѣздъ и повезли въ Засницъ.

Въ общемъ, путешествіе продолжалось около 70-ти часовъ. На протяженіи этого времени задержаннымъ не давали пить. Нѣсколько дѣтей умерло. Нѣсколько человѣкъ сошло съ ума.

Въ Засницѣ партію русскихъ, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, держали до прихода парохода подъ карауломъ.

На пароходъ погнали, какъ животныхъ.

Въ сумятицѣ матери теряли дѣтей, мужья—женъ. Въ концѣ-концовъ, часть русскихъ осталась въ Германіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поруганіе чести.

Если бы не свидѣтельства множества лицъ, заслуживающихъ довѣрія, бывшихъ очевидцами и свидѣтельства самихъ пострадавшихъ, трудно было бы повѣрить, чтобы культурные люди XX вѣка, какими мы считали нѣмцевъ, способны были на такія звѣрства, о которыхъ разсказываютъ прибывшіе изъ Германіи.

Не довольствуясь издѣвательствами надъ мужчинами, нѣмцы дошли до такого варварства, что стали насиловать женщинъ.

Вотъ еще кошмарная страничка.

Въ ста километрахъ отъ Берлина на станціи Ней-Стрелицъ, пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пассажиры были встрѣчены драгунами. Солдаты накинулись на русскихъ, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, и избили ихъ прикладами. Затѣмъ началась процедура обыска. Мужчинъ не обыскивали, обыскивали только женщинъ и притомъ наиболѣе молодыхъ. Обыскъ производили три лейтенанта подъ громкій хохотъ своихъ товарищей и солдатъ. Присутствовалъ здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не запрещалъ офицерамъ оскорблять дамъ, но всячески имъ потакалъ.

Сцены этого обыска были настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генералъ приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Одинъ изъ лейтенантовъ такъ увлекся обыскомъ молодой барышни, что ея отецъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ офицеру и далъ ему пощечину. Несчастнаго отца командиръ полка приказалъ схватить, и его тутъ же, на глазахъ русскихъ пассажировъ разстрѣляли.

Скоро обыски перешли въ насиліе надъ беззащитными русскими женщинами.

Протестующихъ противъ насилій мужчинъ тутъ же разстрѣливали.

Изъ вагоновъ русскихъ женщинъ вытаскивали за ноги, раздѣвали ихъ до-нага и не давали имъ приводить туалетъ въ порядокъ.

Особенно нагло, вызывающе, держали себя кавалеристы. Драгунскіе нѣмецкіе офицеры побили рекордъ наглости и безстыдства.

На одной изъ станцій, близъ Берлина, русскихъ, отправляющихся въ Россію, якобы для провѣрки, загнали въ казармы.

— Обыскать всѣхъ,—крикнулъ командиръ драгунъ. Господа офицеры, поручаю вамъ женщинъ, молодыхъ, конечно. Остальныхъ пусть ревизуютъ солдаты.

Бряцая саблями, съ лихимъ посвистомъ набросилось офицерство на женъ и дочерей русскихъ чиновниковъ, инженеровъ, купцовъ, артистовъ и др.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Германское гостепріимство.

Возвратившійся только что изъ Германіи племянникъ бывшаго голландскаго посланника въ Вѣнѣ Ванъ-Деръ-Ховенъ, разсказываетъ слѣдующее:

«Громадная разница чувствуется въ обращеніи съ Русскими между Саксонцами и Пруссаками. Въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ къ уѣзжавшимъ Русскимъ въ гостиницахъ и ресторанахъ относились любезно, хотя сдержанно. Въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ не стѣсняли русскихъ и не устраивали на нихъ облавъ. Въ Дрезденѣ приходилось слышать даже недовольство Саксонцевъ прусскими распоряженіями. Всюду въ саксонскихъ городахъ на улицахъ расклеены воззванія, подписанныя просто: «Der kommandierende General» (командующій генералъ). Въ военное время королевская власть сведена почти на-нѣтъ, и Саксонцы жалуются: «У насъ теперь нѣтъ короля, всѣмъ теперь распоряжаются Пруссаки».

Переѣхавъ границу Саксоніи, на станціи Биттерфельдъ, Русскіе сразу почувствовали прусскій кулакъ. Всѣ Русскіе были поставлены подъ надзоръ. Мнѣ удалось спастись въ уборную, гдѣ я простоялъ до самаго Берлина. Въ Берлинѣ я незамѣтно сошелъ съ поѣзда и, чтобы не попасться въ руки прусской полиціи, заѣхалъ къ знакомому берлинскому пріятелю барону Фельдгейму, который не разъ пользовался моимъ гостепріимствомъ въ Россіи.

Хозяинъ еще спалъ, и мнѣ подали кофе. Но когда онъ проснулся, то страшно разсердился. Онъ былъ уже въ мундирѣ поручика запаса и долженъ былъ отправиться на русскую границу.

— Въ какое положеніе вы меня ставите?—возмущался онъ.—Вѣдь меня могутъ принять за русскаго шпіона. Вонъ изъ моей квартиры, чтобы духу русскаго здѣсь не было.

И, забывъ, что онъ еще годъ назадъ цѣлыми недѣлями проживалъ у меня въ гостяхъ, этотъ Пруссакъ приказалъ своему камердинеру вышвырнуть всѣ мои вещи на улицу. Покуда камердинеръ исполнялъ его приказаніе, онъ все время ругался и разсказывалъ, что говорятъ въ кругахъ, близкихъ къ императору Вильгельму. Князь Фюрстенбергъ, съ которымъ онъ вчера ужиналъ, говорилъ ему, что императоръ Вильгельмъ рѣшилъ сокрушить Россію навсегда. «Не 5 милліардовъ, а 50 милліардовъ контрибуціи заплатятъ Россія и Франція послѣ этой войны!»—кричалъ императоръ, отправляя войска на границу.—«Изъ Польши мы, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлаемъ буферное государство, но не позволимъ Россіи главенствовать въ славянствѣ».—Конецъ восточнымъ варварамъ!—кричалъ въ догонку баронъ Фельдгеймъ, захлопнувъ со всего размаху двери за мной.

Что пришлось вынести въ пути до Швеціи, описывать не нужно—другіе русскіе путешественники разсказали. Въ Швеціи же мы испытали удивительное, прямо трогательное отношеніе населенія къ намъ... Въ вагонахъ намъ уступали скамейки, чтобы мы послѣ прусскихъ передрягъ могли свободно отдохнуть, подкладывая свои вещи подъ голову для людей, потерявшихъ багажъ. Въ вагонѣ, въ которомъ я ѣхалъ, сидѣла Шведка съ пятью малютками, и все время успокаивала ихъ, чтобы не разбудить уснувшаго Русскаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тяжелый путь.

Уже 17-го іюля, въ четвергъ, начался быстрый наплывъ русскихъ въ Берлинъ, изъ западной Германіи и Франціи, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, проникшихъ въ Германію изъ Россіи. Къ вечеру въ этотъ день гостиницы были переполнены пріѣзжими и номера почти невозможно было достать. Съ пятницы началось паническое бѣгство изъ Берлина на Вержболово. Поѣзда брались съ бою; многіе садились въ вагоны безъ билетовъ и покупали право на переѣздъ въ Россію уже въ пути.

Къ этому времени въ Берлинѣ скопилось свыше 50.000 русскихъ путешественниковъ. Въ мѣняльныхъ лавкахъ брали только русское золото и платили за сто рублей сто марокъ.

Съ вечера въ пятницу, поѣзда брались съ бою. Для того, чтобы попасть и какъ-нибудь устроиться въ вагонѣ, нужно было ѣхать на ту станцію, гдѣ составлялся данный поѣздъ и занимать мѣсто первымъ. Послѣднимъ по прусскому росписанію вышелъ поѣздъ со станціи Шарлоттенбургъ—Берлинъ въ 8 часовъ утра въ субботу.

Этотъ поѣздъ былъ составленъ изъ ряда вагоновъ заказанныхъ чуть-ли не за мѣсяцъ до отправленія и только одинъ вагонъ принялъ публику спасавшуюся отъ ка-

тастрофы. Въ купэ сидѣли вмѣсто шести—8 и 10 человѣкъ, стояли въ проходахъ, на площадкахъ, на подножкахъ; притиснутые безпомощно высовывались въ окна.

Въ пути сперва все было благополучно. Какъ всегда, прошелъ контроль, провѣряя билеты. Поѣздъ мчался и ничто не свидѣтельствовало о необычайности обстановки. Только близъ крѣпости, на станціи Диршау, пассажиры почувствовали, что они ѣдутъ по территоріи вражеской страны. Передъ Диршау къ начальнику станціи подошелъ оберъ-кондукторъ и получилъ отъ него какое-то приказаніе, на которое отвѣтилъ:

— Конечно, я предупрежу всѣхъ пассажировъ, но не могу ручаться, что всѣ услышатъ это распоряженіе.

Когда поѣздъ тронулся, оберъ-кондукторъ прошелъ по вагонамъ и громко предупредилъ пассажировъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не смѣлъ подходить къ окнамъ и чтобы всѣ занавѣски были опущены. На подножкахъ каждаго вагона стояли прусскіе солдаты съ ружьемъ на прицѣлѣ, готовые стрѣлять въ каждаго человѣка, который покажется изъ окна.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, мѣра эта была принята для того, чтобы скрыть отъ ѣдущихъ въ Россію саперныя работы, производившіяся подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Вислу.

Та же исторія повторялась подъ крѣпостью Маріенбургъ, тоже у моста. Только въ 7 час. 55 мин. вечера русскій поѣздъ минута въ минуту по росписанію подошелъ къ дебаркадеру станціи Эйдкуненъ и остановился.

Ни одинъ пассажиръ не вышелъ на платформу, ожидая дальнѣйшаго слѣдованія до Вержболово и лишь, когда на станціи раздалась зычная команда—«Всѣмъ выходить! Выносить весь багажъ!»,—пассажиры вышли на перронъ.

Здѣсь, полные олимпійскаго величія, расхаживали

два прусскихъ полковника въ сопровожденіи молодого лейтенанта. Къ нимъ и бросилась пріѣхавшая публика съ разспросами.

Только тутъ пассажиры узнали, что сообщенія съ Россіей больше не существуетъ; и что всѣмъ пріѣхавшимъ предлагается возвратиться съ тѣмъ же поѣздомъ или въ Берлинъ, или въ Кенигсбергъ.

Пассажиры, большинство изъ коихъ не обладало нужными средствами въ германской валютѣ, чтобы еще прожить въ Германіи, просили офицеровъ выпустить ихъ изъ Эйдкунена въ Вержболово.

Послѣ долгихъ переговоровъ старшій изъ полковниковъ указалъ пассажирамъ рукою въ темноту надвигающейся ночи и сказалъ:

— Ступайте, если хотите, но я не ручаюсь, что русскіе не будутъ стрѣлять по васъ. Если васъ не примутъ, возвращайтесь обратно, и мы васъ отправимъ въ Берлинъ.

Близость родной земли и перспектива ужасовъ пребыванія во вражеской странѣ принудили нѣсколько сотъ человѣкъ пуститься въ абсолютной темнотѣ, по лужамъ, по щиколку въ грязи, въ Вержболово.

На мосту, раздѣляющемъ Эйдкуненъ отъ Вержболово, внезапно изъ темноты раздался окликъ:

— Кто идетъ? Стой или будемъ стрѣлять!

Передъ испуганными пассажирами выросли шесть силуэтовъ бравыхъ пограничниковъ съ винтовками на прицѣлѣ.

Среди путешественниковъ нашлись нѣсколько запасныхъ офицеровъ и одинъ полковникъ, который и вступилъ въ переговоры съ постомъ.

Послѣ заявленія офицера одинъ изъ нижнихъ чиновъ былъ снаряженъ на ближайшій кордонъ за разрѣшеніемъ пропустить путешественниковъ и ускакалъ.

Кругомъ царила глубокая тьма. Пассажиры стояли на

мосту, какъ стадо овецъ въ густой и липкой грязи и лужахъ, образовавшихся послѣ недавняго дождя. Было прохладно, и вскорѣ поднялся пронизывающій вѣтеръ.

Наиболѣе слабые изъ пассажировъ садились въ грязь, ложились въ лужи, не имѣя силъ стоять долѣе.

Станція Вержболово съ погашенными огнями притаилась гдѣ-то въ сторонѣ.

Внезапно появился снопъ лучей потайного фонаря, и къ нѣмой отъ усталости и страха толпѣ подошелъ молодой офицеръ, освѣщая лица путешественниковъ электрическимъ фонаремъ.

Узнавъ отъ солдатъ, въ чемъ дѣло, офицеръ спѣшно вызвалъ жандармовъ со станціи. Черезъ двадцать минутъ появились нѣсколько жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, бѣгло просмотрѣли паспорта и, наконецъ, разрѣшили переступить завѣтный порогъ родной земли. Въ слезахъ, заплетающимися шагами, перегруженные чемоданами, сумками и корзинками (крупный багажъ былъ брошенъ въ Эдкуненѣ), несчастные путешественники кое-какъ доплелись до станціоннаго зданія Вержболовскаго вокзала.

У дебаркадера стоялъ готовый поѣздъ, который и былъ предоставленъ пропущеннымъ черезъ границу пассажирамъ.

Нѣсколько человѣкъ, не выдержавъ 4-часового стоянія на мосту, возвратились обратно, не безъ труда, въ Эйдкуненъ.

Не безъ труда потому, что увидѣвъ, что русскіе вступили въ переговоры съ пограничниками, нѣмцы закрыли цѣпь на своей сторонѣ и забаррикадировали проѣздъ на Эйдкуненъ телѣгами и другими громоздкими предметами.

Въ часъ ушелъ поѣздъ съ бѣглецами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Разсказъ А. М. Давыдова.

Артистъ Императорскихъ театровъ А. М. Давыдовъ такъ разсказываетъ о перенесенныхъ имъ мытарствахъ.

— То, что мнѣ и другимъ многочисленнымъ русскимъ подданнымъ пришлось пережить за послѣдніе дни, не поддается описанію. Я никогда не представлялъ себѣ, что нѣмецкій народъ можетъ быть такимъ некультурнымъ и жестокимъ. Впрочемъ, разскажу вамъ все по порядку.

Въ ночь на 20-ое іюля я вмѣстѣ съ супругой и двумя дѣтьми выѣхалъ изъ Маріенбада въ Берлинъ. Вмѣсто 6 часовъ эта поѣздка продолжалась 16 часовъ. Въ четыре часа утра мы прибыли въ Берлинъ, гдѣ заѣхали въ одну изъ гостиницъ.

Въ 9 часовъ утра, когда я еще спалъ, раздается стукъ въ дверь.

Является какой-то сыщикъ и требуетъ меня въ участокъ. Я сталъ успокаивать свою семью и дѣлать распоряженія на всякій случай, а сыщикъ снова стучитъ въ дверь и грубо требуетъ слѣдовать за собой. Въ вестибюлѣ гостиницы я встрѣтилъ много русскихъ, которые были собраны для отправки. У подъѣзда насъ ждалъ тюремный автомобиль, куда насъ всѣхъ помѣстили, а затѣмъ отправили въ полицейское бюро, помѣщающееся на Alexander Platz.

Въ участкѣ оказалось нѣсколько сотъ задержанныхъ русскихъ. Насъ выстроили въ шеренгу и у всѣхъ потребовали предъявленія паспортовъ и всего, что мы имѣли въ карманахъ.

Затѣмъ приступили къ тщательному обыску каждаго, причемъ даже снимали пиджаки и жилеты. Послѣ обыска насъ послали этажемъ выше и размѣстили въ камерахъ съ рѣшетками, по 25 человѣкъ въ каждой камерѣ.

Можно представить себѣ наше положеніе, тѣмъ болѣе, что мы, кромѣ того, страдали нравственно, подвергаясь подобнымъ оскорбленіямъ. Я собираюсь съ духомъ и спрашиваю у одного изъ стражей:

— Что будетъ дальше?

— Это вы узнаете отъ вашего русскаго правительства, —отвѣтилъ мнѣ тотъ.

Въ камерахъ насъ продержали около трехъ часовъ. Послѣ переклички и возвращенія намъ отобранныхъ вещей, въ камеру явились три нѣмца, изъ которыхъ одинъ громогласно заявилъ:

Именемъ нѣмецкаго правительства вы, какъ враги Германіи, должны оставить германскую территорію. Завтра, чтобы вашего духу здѣсь не было! Кто останется съ тѣмъ поступятъ по всей строгости германскихъ законовъ. Hinaus!

Какъ мы узнали, неотъѣзжающихъ во время русскихъ подданныхъ отправляютъ на черную работу въ поле.

Взволнованные и униженные мы выбрались изъ участка. На улицѣ насъ ожидала толпа мальчишекъ, встрѣтившая насъ свистомъ, крикомъ и гиканьемъ.

Въ тотъ же вечеръ я покинулъ Берлинъ. Свою жену и дѣтей я оставилъ въ Берлинѣ, такъ какъ хозяинъ гостиницы, кстати мой хорошій знакомый, обѣщалъ ихъ взять подъ свою отвѣтственность.

На вокзалѣ творилось что-то невѣроятное. Уѣзжающихъ было около 5.000 человѣкъ.

Кругомъ царила полная паника: шумъ, крики, истерики, плачъ дѣтей.

Надо было видѣть, какъ нѣмцы глумились надъ несчастными русскими подданными. Такъ какъ на вокзалѣ были готовы къ отходу нѣсколько поѣздовъ, то одинъ нѣмецъ указалъ на поѣздъ отправлявшійся въ Копенгагенъ. Всѣ, разумѣется, бросились въ этотъ поѣздъ и черезъ окна стали бросать свой багажъ и чемоданы. Когда всѣ уже размѣстились по вагонамъ, тотъ же нѣмецъ снова крикнулъ:

— Эхъ, вы, дураки! Совсѣмъ не этотъ поѣздъ ѣдетъ въ Данію!

Снова начался переполохъ. Всѣ начали перебираться изъ вагоновъ въ другой поѣздъ.

Послѣ долгаго ожиданія нашъ поѣздъ тронулся.

Настроеніе у всѣхъ пассажировъ было, разумѣется, самое подавленное и безпокойное. Въ купэ, гдѣ обыкновенно помѣщается 6 человѣкъ, на этотъ разъ находилось по 26 человѣкъ. Всѣ боялись вымолвить хоть слово. Мы еще все не были увѣрены, что насъ доставятъ до границы. Дѣйствительно, не доѣзжая одной станціи до границы, вдругъ раздается команда:

— Aussteigen! Русскіе выходить!

Тутъ всѣ подумали, что уже конецъ. Пассажиры высыпали изъ вагоновъ съ чемоданами и пакетами. Такъ насъ въ чистомъ полѣ продержали около часа. Вдоволь наглумившись надъ нами, намъ позволили слѣдовать дальше. Мы вздохнули свободно только тогда, когда пріѣхали къ датской границѣ.

Такимъ образомъ, я 8 дней не спалъ и не ѣлъ. Но физическія страданія никакъ не могутъ сравниться съ нравственными, которыя намъ пришлось перенести въ нѣмецкомъ плѣну.

Считаю долгомъ констатировать то единодушіе, которое царствовало все время между пассажирами. Всѣ старались облегчать другъ другу страданія. Бывало, въ одномъ изъ вагоновъ гдѣ-то находятъ ребенка. И вотъ начинаютъ искать его родителей. По всѣмъ вагонамъ идетъ перекличка, и, наконецъ, находятъ мать ребенка.

Среди пассажировъ былъ мальчикъ, голова котораго была вся забинтована. Оказалось, что въ одной изъ берлинскихъ больницъ ему была сдѣлана трепанація черепа. Однако, несмотря на такое тяжелое состояніе, его также выселили.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмецкое безкорыстіе.

Прибывшій изъ Гайдельберга студентъ-медикъ последняго семестра А. Леви сообщилъ, что 20-го іюля въ $6^{1}/_{2}$ час. вечера, когда была объявлена война, хозяйка квартиры, которая раньше была очень любезна и предупредительна, заявила ему, чтобы онъ немедленно выѣхалъ, такъ какъ она вообще не можетъ терпѣть Русскихъ, и предупредила, что, если онъ не выѣдетъ на другой день до 2 часовъ, она выставитъ его вещи на улицу. Леви былъ возмущенъ ея поведеніемъ и заявилъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу.

20-го вечеромъ ему принесли чекъ на три тысячи марокъ. Явившись на другой день въ «Deutsche Bank», Леви денегъ не получилъ. Положеніе его дѣйствительно стало критическимъ.

Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ своимъ товарищамъ по университету, студентамъ-нѣмцамъ, но послѣдніе сразу измѣнили тонъ и дали ему взаймы на дорогу 100 марокъ, послѣ того, какъ онъ оставилъ въ залогъ научныя книги, стоимость которыхъ достигала 500 руб. Не успѣлъ г. Леви отослать книги товарищамъ, какъ въ его комнату вошли два «шуцмана», произвели обыскъ, конфисковали всю его корреспонденцію, отняли фотографическій аппа-

ратъ и начали проявлять фотографическія пластинки. Не найдя ничего предосудительнаго, они заявили Леви, что все его имущество конфисковали, самого же его обязывали выѣхать немедленно. Въ полномъ отчаяніи онъ еле добрался до вокзала по направленію къ Берлину. Еще до объявленія войны стали распространяться слухи, что тамъ находятся русскіе шпіоны. Чтобы вызвать злобу среди населенія къ Русскимъ, нѣмцы не задумывались прибѣгать къ провокаторскимъ пріемамъ. Возвращаясь изъ университета, г. Леви увидѣлъ на углу Hauptstrasse и Sophienstrasse огромную толпу нѣмцевъ-провокаторовъ, которые кричали, что попался русскій шпіонъ въ женскомъ платьѣ. Въ дѣйствительности же это былъ переодѣтый нѣмецъ. Провокація, однако, удалась, и огромная толпа направилась по всѣмъ улицамъ, выражая свое негодованіе.

Едва поѣздъ отошелъ отъ Гайдельберга, послышались отчаянные крики. Какъ оказалось впослѣдствіи, нѣсколько шуцмановъ пытались отнять багажъ у двухъ студентовъ и, когда послѣдніе стали сопротивляться, избили ихъ.

По дорогѣ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, всѣ русскіе пассажиры терпѣли ужасную муку. Въ купэ вагона, разсчитанномъ на 6 человѣкъ, находилось по 16 человѣкъ. Во время хода поѣзда кондуктора съ насмѣшкой ходили по вагонамъ и говорили, что ежеминутно могутъ всѣхъ выставить и помѣстить запасныхъ солдатъ. На станціяхъ, когда нѣкоторые изъ русскихъ обращались къ администраціи съ просьбой улучшить ихъ положеніе, администрація пренебрежительно отвѣчала: «Помните, вы—Русскіе!» Съ большимъ трудомъ студенту Леви удалось добраться до Берлина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Женщины въ тюрьмѣ.

Одна изъ пострадавшихъ русскихъ женщинъ вотъ что разсказываетъ:

— Около 18 русскихъ, къ сожалѣнію, вѣрившихъ въ то, что войны не будетъ, остались въ Франценсбадѣ до прошлой субботы. Въ воскресенье настроеніе стало, однако, столь тревожно, что мы рѣшили покинуть Австрію. Въ поѣздѣ мы очутились въ обществѣ австрійскихъ пьяныхъ резервистовъ.

Австрійцы всѣ были пьяны. Гнусно приставали къ женщинамъ. Говорили пошлости. Лѣзли цѣловаться. Издѣвались надъ русскими...

Въ нашемъ вагонѣ всѣ дамы прекрасно владѣли нѣмецкимъ языкомъ и въ ужасѣ скрывали свое русское происхожденіе. Приходилось стискивать зубы изъ-за маленькихъ дѣтей, которыя были у насъ на рукахъ.

У одной изъ ѣхавшихъ со мной дѣвушекъ изсякло терпѣніе. Она шепнула мнѣ на ухо:

— Я сейчасъ ударю этого наглеца-австрійца по лицу.

Пришлось убѣждать ее пожалѣть ни въ чемъ не повинныхъ нашихъ дѣтей. Для меня было ясно, что эти звѣри, потерявшіе всякій человѣческій образъ, способны насъ растерзать.

Наконецъ, мы на германской границѣ.

Въ поѣздахъ пьяныхъ больше не видать. Это объясняется тѣмъ, что всѣ рестораны, трактиры и винныя лавки закрыты уже въ Германіи въ теченіе 10-ти дней.

Всюду слышится лязгъ оружія. Звенящіе удары тысячъ подковъ кавалеріи со свистомъ забираются въ душу.

Вся линія дорогъ окружена сплошными цѣпями пѣхоты. Рядомъ съ нашимъ поѣздомъ тянутся обозы съ провіантомъ.

На каждой станціи въ открытыя окна комнатъ телеграфа видны нѣмецкіе офицеры и караульные.

Въ поѣздѣ у нѣмцевъ настроеніе подавленное, озлобленное, мрачное.

Они молчатъ. Тишина въ вагонѣ злѣе всякаго стона. Нѣтъ въ нихъ ни подъема, который намъ пришлось видѣть потомъ въ Россіи, ни вѣры въ успѣхъ, которую ощущаемъ мы всѣ теперь.

Въ русскихъ бѣглецахъ зародилась вѣра, что они, наконецъ, благополучно выберутся съ нѣмецкой почвы.

Послѣ томительнаго путешествія—Бреславль.

Съ жуткимъ чувствомъ подхожу къ желѣзнодорожной кассѣ, чтобы взять билетъ до русской границы.

Не успѣла я назвать пограничную станцію, какъ кассиръ, язвительно улыбнувшись, сказалъ:

— Какъ же, какъ же, сударыня, какъ-нибудь и когда-нибудь, и съ кѣмъ-нибудь, вы туда доберетесь.

Раздался свистъ, и подлѣ меня выросли два жандарма.

Они схватили меня, исцарапавъ лицо, за руки, вырвали у меня ребенка, котораго передали какому-то подозрительному субъекту въ статскомъ.

Затѣмъ меня насильно втащили въ какую-то комнату и туда же кинули рыдавшаго ребенка.

Явились новые жандармы.

По улицамъ Бреславля насъ потащили въ тюрьму.

Издали я видѣла другія женскія и мужскія тѣни въ сопровожденіи жандармовъ, направлявшихся видимо туда же, куда волокли и меня.

Когда я уставала и просила замедлить шагъ, жандармы пинками толкали меня впередъ.

Ссадины отъ ихъ ударовъ сохранились еще и до сихъ поръ.

Наконецъ, въ полуобморочномъ состояніи, еле держа несчастную дѣвочку на рукахъ, добралась я до тюрьмы.

Я ловила себя на желаніи очутиться въ одиночествѣ и хоть минуту не видѣть озвѣрѣвшихъ жандармовъ съ налитыми кровью глазами.

Каменно-желѣзный мѣшокъ, въ который насъ кинули, меня не испугалъ.

Я хотѣла вѣрить, что здѣсь оставятъ меня въ покоѣ. Однако, меня ждало глубокое разочарованіе.

Я была убѣждена, что увижу какую-нибудь женщину, тюремную надзирательницу. Я вѣрила, что женщина пойметъ мою муку и чувство матери. Но, когда за мной захлопнулись желѣзныя двери тюремныхъ воротъ, вмѣсто надзирательницы явился тюремный офицеръ. Я услышала его распоряженіе:

— Жандармъ, проведите эту русскую (слѣдовало ругательное слово) въ одиночную камеру. Ребенка слѣдовало бы отнять, но, чортъ съ ней!

Жандармъ пошелъ со мной по безконечнымъ коридорамъ, извилистымъ и витымъ лѣстницамъ, и, наконецъ, на четвертомъ или пятомъ этажѣ мы остановились. Заныль ключъ въ заржавѣвшей скважинѣ.

Я очутилась въ отвратительной, смрадной отъ сырости, камерѣ. Положила дѣвочку свою на грязную, твердую койку и хотѣла сѣсть на табуретку.

Смотрю жандармъ не уходитъ.

Я говорю.

— Что вамъ еще нужно?

Онъ плотоядно, отвратительно улыбается:

— Я обязанъ васъ обыскать и раздѣть до-нага.

Чувствую, что ноги у меня подкашиваются. Стараюсь овладѣть собой. Жандармъ приближается...

Въ моментъ, когда онъ пытается схватить меня за кофточку, я рѣзкимъ жестомъ отстраняю его руку. Это животное начинаетъ меня бить. Я кричу,—и это меня спасаетъ.

Изъ другихъ камеръ доносятся крики на русскомъ языкѣ.

По лѣстницамъ бѣгутъ жандармы. Входятъ ко мнѣ въ камеру.

Я продолжаю кричать, и только тогда нѣмецкіе звѣри оставляютъ меня въ покоѣ.

Физическая пытка кончилась. Началась другая,—полная неизвѣстности.

Прошла ночь. Наступилъ день. И еще прошла ночь. И еще прошелъ день. А насъ, голодающихъ и жаждущихъ, все еще держали въ камерѣ.

Наконецъ, на третій день насъ вывели изъ тюрьмы.

Внизу ждало около 400—500 человѣкъ русскихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Насъ повезли куда-то за городъ, гдѣ на колеѣ желѣзной дороги стояли черныя, грязныя товарныя платформы. Должно быть на нихъ возили мусоръ и каменный уголь.

Насъ довезли до какой-то станціи. Оттуда намъ указали направленіе нашего пути.

— Тамъ ваша Россія.

Съ криками радости, забывъ о мукахъ, объ утратѣ багажа, обо всѣхъ человѣческихъ горестяхъ, мы бросились бѣжать, чтобы скорѣе очутиться на дорогой русской землѣ.

Другая дама разсказываетъ, что она съ шестилѣтней дѣвочкой, попавъ въ ту же бреславльскую ловушку, была отвезена въ тюрьму.

Здѣсь жандармы вырвали изъ ея рукъ ребенка. Девочку помѣстили въ одиночную камеру, отдѣльно отъ матери.

— Чѣмъ больше я рыдала,—разсказываетъ г-жа К., —тѣмъ больше издѣвались жандармы.

Я молила ихъ:

— Оставьте со мною въ камерѣ хоть дѣвочку.

Они отвѣтили:

— Ничего съ вашимъ отродіемъ не случится.

Въ теченіе трехъ сутокъ мою дѣвочку, неудержимо плакавшую, держали въ тюремномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Когда я просила тюремнаго врача дать моей дочкѣ молока, онъ отвѣтилъ:

— Здѣсь не гостиница и для русскихъ у насъ нѣтъ ни молока, ни вкусныхъ щей.

И это былъ *врачъ*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Печальная повѣсть.

Вотъ еще одна печальная повѣсть, разсказанная одной молодой женщиной, возвратившейся изъ Швейцаріи съ девятилѣтнимъ сыномъ.

18-го іюля выѣхали изъ Веве. По Швейцаріи ѣхали совершенно спокойно. Но уже въ Базелѣ, въ виду близости его къ границѣ Эльзасъ-Лотарингіи, стала замѣтна тревога. На германской же территоріи съ первыхъ шаговъ начались мученія.

Не помню, на какой именно станціи передъ Мангеймомъ насъ вдругъ высадили изъ поѣзда. Была ночь. Насъ погнали пѣшкомъ по городу и черезъ мостъ—въ Мангеймъ. Окруженные солдатами, подъ командой офицера, мы не шли, а бѣжали, такъ какъ нѣмцы, не считаясь съ тѣмъ, что въ толпѣ были женщины и дѣти, гнали насъ скорымъ маршемъ.

Мы вопили:

— Куда вы насъ гоните?

Было особой милостью то, что намъ отвѣтили:

— Мы получили свѣдѣнія, что здѣсь бродятъ русскіе шпіоны. Они собираются взорвать мостъ къ Мангейму. Для вашей же безопасности мы пустили впередъ пустой поѣздъ, а васъ проведемъ пѣшкомъ.

Вздорность этого слуха была очевидна, но спорить не приходилось. Заботы о нашей безопасности не мѣшали, однако, конвою обращаться съ нами грубо, не лишая себя удовольствія насилія надъ Русскими.

Просьбы изнемогающихъ женщинъ о замедленіи хода не помогали. Всякаго, выдвинувшагося въ сторону изъ круга, загоняли прикладами или ударомъ шашки плашмя въ кругъ. По дорогѣ насъ встрѣчала озлобленная толпа, поощрявшая нашихъ мучителей враждебными возгласами по нашему адресу.

Цѣлый часъ продолжался этотъ мучительный ночной бѣгъ подъ градомъ брани и ударовъ отстающимъ.

Въ Мангеймѣ насъ усадили въ поѣздъ и отправили въ Берлинъ.

Въ столицу Германіи мы прибыли 19-го къ 12 ч. дня объявленія войны, за 6 часовъ до появленія на улицахъ Берлина манифеста Вильгельма.

Здѣсь мы сразу почувствовали чрезвычайное возбужденіе толпы и очень опредѣленное враждебное настроеніе «мирныхъ» нѣмцевъ по отношенію къ Русскимъ.

Внѣшнія проявленія совершенно необъяснимой для мирнаго населенія злобы я имѣла возможность испытать на себѣ въ первые же часы послѣ объявленія войны.

На вокзалѣ носильщики не хотѣли брать отъ насъ вещей. Въ магазинахъ отказывались продавать, открыто заявляя:

— Для русскихъ у насъ ничего нѣтъ.

Дѣвушки-продавщицы, незадолго передъ тѣмъ любезно ухаживавшія за щедрыми русскими кліентами, теперь были несдержанно грубы, смотрѣли волками.

Я зашла съ ребенкомъ въ ресторанъ Ашингера, чтобы запастись на дорогу провизіей. Я получила все, что требовалось, но послѣ долгихъ мытарствъ и униженій. Меня заставляли ждать подолгу, не отвѣчали на вопросы и со-

провождали отвѣтъ ироническими, ехидными улыбочками, перешептываніемъ и бормотаніемъ.

Эти мелочные пріемы были настолько нелѣпы, что въ нихъ пропадала даже оскорбительность; оставалось безсмысленное раздраженіе быстро ожесточающихся людей, мстящихъ въ пустякахъ.

Нѣсколько часовъ моихъ разъѣздовъ по Берлину убѣдили меня, что положеніе Русскихъ въ толпѣ нѣмцевъ становится не только морально тяжелымъ, но и небезопаснымъ. Толпа взвинчивалась съ минуты на минуту. Раздавались угрожающіе выкрики по адресу Россіи и Русскихъ.

Я начинала бояться везшаго насъ шоффера. Мы поспѣшили на вокзалъ.

Здѣсь мы застали настоящую панику. Толпы Русскихъ, прибывшихъ послѣ насъ, ждали поѣзда. Всѣ они, какъ и я, были свидѣтелями растущей враждебности нѣмцевъ и всѣ поспѣшили поскорѣе выбраться изъ Берлина.

Подали поѣздъ. Желѣзнодорожная администрація отказывалась давать намъ справки о направленіи. Желаніе вырваться изъ Германіи было настолько велико, что толпа ринулась къ поѣзду, не разбирая пути назначенія. Я съ ребенкомъ, имѣя билетъ на Эйдкуненъ, захлестанная волной и собственнымъ нетерпѣніемъ, попала въ первый поданный поѣздъ, шедшій до Александрово.

Къ великому счастью нашему начальникъ поѣзда нѣмецъ оказался неожиданно любезенъ и внимателенъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что насъ довезутъ до Александрово по тѣмъ же билетамъ.

Несмотря на тѣсноту въ поѣздѣ, мы считали себя счастливыми: мы ѣхали въ Россію! Но мы не знали, что насъ ждетъ.

На второе утро мы прибыли въ Торнъ—пограничную нѣмецкую станцію.

Огромная партія русскихъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, ждала здѣсь поѣзда на Александрово. Стало очевидно, что всѣмъ намъ отсюда не скоро выбраться.

Наростала тревога. Рядъ мелкихъ нѣмецкихъ придирокъ, грубостей и даже угрозъ, которыя мы уже испытали по пути въ Торнъ, усиливалъ эту тревогу.

Мучительно страдали дѣти. Станціонный буфетъ отказался отпускать русскимъ провизію. Съ неподражаемымъ хладнокровіемъ намъ было заявлено:

— Все, что здѣсь есть,—для нѣмцевъ.

Мы ждали поѣзда. Никто не зналъ, когда онъ будетъ и будетъ ли вообще. Невѣроятные слухи начали возникать въ толпѣ: говорили, что насъ отсюда не выпустятъ.

Мы умоляли:

— Разрѣшите намъ отправиться къ русской границѣ пѣшкомъ.

Нѣмецкіе власти отвѣтили, что онѣ не могутъ взять на себя отвѣтственность за рискъ, которому мы себя подвергаемъ, такъ какъ, де, русскія войска разстрѣляютъ насъ при приближеніи къ границѣ. Мы возражали, что это—вздоръ, что отъ своихъ намъ не грозитъ никакой опасности, ни обиды. Нѣмцы были непреклонны.

Пришлось покориться. Черезъ нѣсколько времени намъ заявили, что русская пограничная администрація согласилась принять насъ. Будетъ пущенъ поѣздъ подъ бѣлымъ флагомъ.

Нашему ликованію не было конца. Близость конца тревогамъ пребыванія во враждебной странѣ придала намъ силы. Намъ казалось, что мытарства окончены и черезъ какихъ-нибудь полчаса—часъ мы будемъ въ безопасности, среди своихъ. Кто не слыхалъ плача дѣтей и женщинъ прошлой ночи, когда насъ гнали, какъ стадо въ Мангеймъ, тотъ не пойметъ этой радости и чувства приближающагося покоя.

Мы побросали всѣ вещи. Насъ грубо вталкивали въ поѣздъ, заперли двери и окна, грозили разстрѣломъ всякому, кто выглянетъ въ окно.

Все это теперь казалось намъ мелкимъ «неудобствомъ» пути. Мы готовы были благословить давку и невыносимую духоту въ вагонахъ, простить нѣмцамъ всю вчерашнюю жестокость за то, что они, наконецъ, везутъ насъ въ Россію.

Но какъ жестоко мы ошиблись, повѣривъ имъ! Насъ безчестно обманули.

Когда прошло больше времени, чѣмъ было нужно, по нашему расчету, чтобы пройти небольшую пограничную полосу Торнъ—Александрово, а поѣздъ все шелъ, и русской границы не было видно, насъ снова наполнила тревога. Посыпались вопросы конвою:

— Куда насъ везутъ?

Въ отвѣтъ—молчаніе, загадочныя улыбки и зловѣщее для насъ:

— Увидите!

Мы увидѣли. Обманнымъ путемъ насъ повезли назадъ по Германіи въ Штеттинъ. Въ 8 час. вечера насъ выбросили тамъ, не сказавъ ни слова, не объяснивъ, зачѣмъ насъ сюда привезли и что намъ готовятъ.

Зачѣмъ понадобились нѣмцамъ этотъ грубый обманъ и атмосфера зловѣщей таинственности, которой насъ окружали? Исключительно для того, чтобы запугать насъ, заставить пережить ужасъ неизвѣстности, предчувствовать всевозможныя несчастья. И до сихъ поръ намъ такъ много ужъ грозили смертѣю, что это таинственное путешествіе взаперти къ невѣдомой цѣли направляло всѣ наши мысли къ трагической развязкѣ.

Настроеніе стало невыносимымъ. Слышались плачъ, истерическіе крики. Нѣкоторые прощались другъ съ другомъ. Но худшее было все еще впереди.

Оно настало въ Штеттинѣ, гдѣ насъ выгрузили, какъ скотъ. Эта аналогія пріобрѣтаетъ характеръ полнаго тождества, если я скажу, что всѣхъ насъ привели подъ конвоемъ на... скотобойню.

Зданіе скотобойни въ Штеттинѣ помѣщается на большой площади. Должно быть, въ видѣ особой милости нежелавшимъ оставаться въ зданіи скотобойни было разрѣшено расположиться снаружи на площади. Гдѣ было хуже —сказать трудно. Внутри скотобойни измученные «туристы» свалились на солому, брошенную «любезными хозяевами» на-земь. Среди грязи, помета и лужъ на асфальтовомъ полу мы «отдыхали». Только женщинамъ удалось устроиться на пальто, предложенныхъ имъ мужчинами. Оставшіеся на площади подъ открытымъ небомъ лежали на голомъ камнѣ мостовой.

Для полноты картины укажу, что въ скотобойнѣ былъ большой загонъ для свиней, весь переполненный его законными обитателями.

Мнѣ нужно было пройти съ ребенкомъ въ уборную. Когда я спросила одного изъ сторожившихъ насъ шуцмановъ, куда мнѣ пройти, онъ съ небрежнымъ жестомъ еле уронилъ:

— На улицу.

Другой указалъ мнѣ «уборную», помѣщающуюся въ свиномъ загонѣ. Но при нашемъ приближеніи свиньи подняли отчаяный визгъ, заметались, какъ бѣшеныя, и мы предпочли бѣжать.

Свиньи визжали непрерывно. Въ этой обстановкѣ свыше 1000 человѣкъ провели около 4-хъ часовъ, почти до 12 часовъ ночи. Мой мальчикъ спалъ на каменномъ полу, подославъ пальто, любезно уступленное намъ однимъ изъ спутниковъ, и положивъ голову ко мнѣ на колѣни.

Мы пытались узнать зачѣмъ насъ здѣсь держатъ и

сколько времени намъ придется здѣсь провести. Намъ отвѣчали съ улыбкой:

— Можетъ быть недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ, а можетъ быть и годъ. Вы—военно-плѣнные.

Таковъ былъ игривый германскій юморъ въ такія минуты.

Около полуночи пришелъ комендантъ съ нѣсколькими представителями города. Онъ оглядѣлъ насъ, скотобойню и не безъ игривости сказалъ:

— Помѣщеніе не важное.

Онъ обѣщалъ перевести насъ въ какой-то гимнастическій залъ и накормить.

И это оказалось ложью. Но очень скоро послѣ визита коменданта насъ опять подняли и съ необычайной торопливостью стали усаживать въ поѣздъ.

Опять везутъ.

— Куда?

— На островъ Рюгенъ. Тамъ—курортъ: васъ устроятъ съ большимъ комфортомъ.

На вокзалѣ при посадкѣ въ поѣздъ царила невѣроятная паника. Наши мучители насъ толкали, ругали. Крикъ женщинъ и дѣтей не умолкалъ. Насъ швыряли въ вагоны, какъ тюки. Въ шестимѣстное купэ вталкивали по 25 человѣкъ.

Здѣсь мнѣ пришлось быть свидѣтельницей первыхъ человѣческихъ жертвъ.

Въ страшной паникѣ и толкотнѣ изъ толпы, пробивавшейся къ вагонамъ, раздался нечеловѣческій, смертный крикъ, до сихъ поръ звучащій въ моихъ ушахъ. Сначала—дѣтскій, потомъ—женскій: вопль погибающаго. Онъ и былъ таковъ: въ охваченной безуміемъ толпѣ были раздавлены на-смерть женщина и ея ребенокъ.

Въ невыразимо тяжеломъ состояніи духа мы двинулись дальше. *Два дня мы голодали.* Дѣтямъ, просившимъ

ѣсть, мы могли отвѣтить слезами. Ѣсть намъ не давали, но воду носили ведрами.

На третій день выѣзда изъ Берлина насъ привезли на островъ Сасницъ. Цѣлый день мы потратили на путешествіе по балтійскому острову, не зная, куда насъ везутъ. Все это время было заполнено издѣвательствами, оскорбленіями, угрозами нашихъ «героевъ-побѣдителей». Насъ намѣренно терроризировали. Помню на о. Сасницъ такую сцену. Мы сидимъ въ поѣздѣ. Передъ окнами вдоль вагоновъ — цѣпь нѣмецкихъ солдатъ, лицомъ къ намъ. Лица злобно-насмѣшливыя или тупо-равнодушныя.

Вдругъ начинается движеніе въ конвоѣ. Солдаты на нашихъ глазахъ быстро заряжаютъ ружья. Мы видимъ мрачные, сосредоточенные взгляды.

Въ вагонѣ—ужасъ надвигающейся смерти. Мгновенье—жуткое молчаніе. Потомъ истерическіе крики женщинъ и рѣзкій плачъ дѣтей...

Сидящій рядомъ со мной пожилой человѣкъ, врачъ, говоритъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы знаете, что насъ ожидаетъ? Разстрѣлъ... разстрѣлъ... разстрѣлъ!

Онъ повторяетъ это слово почти безсмысленно, какъ помѣшанный...

Мы готовимся къ смерти. А солдаты, увидя трепетъ обреченныхъ, опускаютъ ружья и... улыбаются. Нѣкоторые хохочутъ громко.

То была игра... Веселая забава волковъ съ пойманными кроликами. Можетъ быть, впрочемъ, это было и испытаніе прусскаго боевого мужества...

Другая сцена. На о. Сасницъ во время нашей стоянки на какой-то станціи вдругъ на площади передъ вокзаломъ появились какіе-то чиновники; принесли столы, бумаги, и приготовились къ какому-то бумажному священнодѣйствію. Все продѣлывалось съ такой мрачной серьезностью и нѣмецкой методичностью, что мы рѣшили:

— Сейчасъ насъ будутъ судить и... разстрѣляютъ...

Зловѣщая процедура такъ же быстро и нелѣпо окончилась, какъ и началась. Что она означала? Не знаемъ... Но для насъ это была минута изъ тѣхъ, когда люди сѣдѣютъ...

Прошли эти мучительныя сутки. Я не стану перечислять всѣхъ случаевъ издѣвательства, жестокостей, побоевъ, угрозъ. Четыре дня насъ держали въ безпрерывномъ ожиданіи смерти. Я—и не я одна—была глубоко увѣрена, что мы не доѣдемъ до Петербурга. Наше настроеніе вы поймете по тому, что мы приступили въ поѣздѣ къ составленію списковъ погибающихъ, какъ терпящіе крушеніе въ морѣ. Каждый внесъ свое имя, адресъ. Мы надѣялись гдѣ-нибудь опустить этотъ списокъ въ почтовый ящикъ или на то, что кто-нибудь уцѣлѣетъ въ предстоящей бойнѣ и передастъ списокъ въ Россію: пусть узнаютъ, кто и гдѣ погибъ или томится въ плѣну.

На пятый день намъ вдругъ заявили:

— Кто хочетъ, можетъ отправиться на пароходѣ въ Швецію. Кто не можетъ—останется здѣсь въ качествѣ военно-плѣннаго до конца войны. Женщины будутъ шить на нашихъ раненыхъ. Мужчины пойдутъ на земляныя работы. Всякій, вышедшій за отведенную черту, будетъ судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ. За правильную доставку провіанта не ручаемся.

Все это говорилось завѣдомо безъ цѣли и смысла, но съ убійственной, давящей серьезностью.

Можно понять, что мы всѣ, какъ безумные, ринулись къ двумъ ожидавшимъ насъ пароходамъ. Въ этой давкѣ матери теряли дѣтей. Я сама чуть не осталась на берегу, тогда какъ мальчика моего унесъ на рукахъ на пароходъ одинъ изъ спутниковъ, сдѣлавшій намъ много добра... Спасибо доброму нѣмецкому солдату (нашелся такой!), который, увидя, что меня отдѣлили отъ сына, почти внесъ и меня на бортъ парохода...

Пароходъ, наконецъ, отчалилъ. Берегъ Германіи сталъ удаляться. Мы были спасены!

Но ужасы еще не кончились. Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей еще трехъ катастрофъ. На пароходѣ отъ пережитыхъ сотрясеній сошла съ ума дама. Она бросилась въ море. Ее спасли. Потомъ въ пути отъ Мальме до Стокгольма объявился другой безумецъ: молодой человѣкъ. Онъ цѣлыми днями ходилъ по вагонамъ и искалъ свой пропавшій желтый чемоданъ.

Итого—четыре жертвы въ одной партіи: задушенная женщина и дѣвочка, двое безумныхъ. Впрочемъ, на вокзалѣ въ Штеттинѣ распорядительный нѣмецкій конвоиръ столкнулъ одну даму съ перрона подъ стоявшій вагонъ... Но она только жестоко расшиблась.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Соперники пруссаковъ.

«Лавры» германцевъ, повидимому, вызвали зависть и австрійцевъ и имъ захотѣлось показать, что и они не лыкомъ шиты и что и они умѣютъ быть жестокими, когда находятся внѣ опасности.

Вотъ, напримѣръ, о какихъ звѣрствахъ швабовъ сообщаютъ изъ Сатанова.

Большой австрійскій отрядъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ конницы, артиллеріи и пулеметной команды, впервые вступилъ въ Сатановъ (гдѣ нашихъ войскъ къ тому моменту совершенно не было) въ воскресенье, 3-го августа, утромъ. Первый день пребыванія отряда прошелъ совершенно спокойно и благополучно, но многихъ лицъ австрійцы спрашивали о мѣстонахожденіи почты и др. учрежденій, о дорогѣ въ окрестныя мѣстечки и т. д., но, въ общемъ, относились довольно привѣтливо. Но на слѣдующій день (въ понедѣльникъ, 4 августа), когда отрядъ, ночевавшій въ окрестностяхъ, снова вернулся въ Сатановъ, уже въ сопровожденіи большого числа солдатъ-велосипедистовъ и пѣхотинцевъ, онъ неожиданно сталъ бомбардировать изъ пушекъ и пулеметовъ древній женскій монастырь, расположенный въ 2 верстахъ отъ мѣстечка, въ предмѣстьѣ «Туторкѣ». Бомбардировка монастыря, ти-

хой обители монахинь, вызвала неимовѣрную панику среди населенія. Бомбардировка съ грохотомъ пушекъ продолжалась около получаса; нѣкоторыя монастырскія помѣщенія загорѣлись, сбиты были попавшими въ нихъ снарядами башни и кресты въ монастырѣ. Но это было только начало. Скоро пѣхотинцы-австрійцы стали ходить по мѣстечку, требуя открыть магазины и грабя находящіеся въ нихъ товары. Такъ ограблены были магазины: аптекарскій Шварцбурда, Франкфурта, Лиссера (желѣзный) и др. Во время этихъ «реквизицій», и произошелъ разстрѣлъ мирныхъ жителей. Вдругъ, безо всякой видимой причины и повода, австрійцы, разбросанные по всему мѣстечку (числомъ около 150 чел.), открыли безпорядочную пальбу изъ револьверовъ по улицамъ. Всѣ находившіеся на улицахъ въ паническомъ страхѣ спѣшили спасти свою жизнь, укрываясь въ дома, въ погреба и т. д., но не всѣмъ это удавалось.

Когда черезъ нѣсколько часовъ паника нѣсколько улеглась и жители стали поодиночкѣ выходить на улицы, то выяснилось, что жертвами этой дикой расправы пали 5 убитыхъ (изъ нихъ 4 еврея) и 12 раненыхъ евреевъ. Убиты были: 1) юноша Идель Аксельбандъ, застигнутый на базарѣ; 2) Вольфъ Столяръ; 3) одинъ шапочникъ (фамилія не установлена); 4) жестяникъ (фамилія также не установлена нами) и крестьянинъ изъ сел. Сатановки. Кромѣ того, подожжены были и сгорѣли нѣсколько зданій (при костелѣ и на базарѣ). Тогда же австрійцы арестовали старосту Меламеда и одного изъ почетныхъ жителей Лемберга съ его сыномъ, требуя отъ нихъ выдачи какихъ-то книгъ, свѣдѣній и т. д.

Характерно, что свою дикую расправу и разстрѣлъ мирныхъ жителей австрійцы потомъ пытались объяснить тѣмъ, что будто они услышали какой-то глухой выстрѣлъ и, полагали, что это населеніе «выступаетъ» противъ

нихъ. На самомъ дѣлѣ, жители категорически отрицаютъ фактъ выстрѣла.

Еще болѣе ужасныя и кошмарныя переживанія выпали на долю жителей Сатанова въ слѣдующую ночь, когда въ теченіе 4—5 часовъ улицы мѣстечка оглашались душераздирающими воплями и криками. Оказалось, что это уже австрійцы въ паническомъ ужасѣ бѣгутъ и спасаются отъ нашихъ казаковъ, на которыхъ они натолкнулись въ своемъ дальнѣйшемъ направленіи. О размѣрахъ того страха и паническаго ужаса, которымъ были охвачены отступавшіе въ полномъ безпорядкѣ австрійскіе воины, можно судить по факту, переданному намъ кассиромъ сатановскаго общества взаимнаго кредита Г-номъ: на его глазахъ 4 австрійскихъ кавалериста, обезумѣвъ отъ растерянности, сами другъ друга закололи штыками, а трупы ихъ утромъ найдены были на улицахъ. Объ этой же паникѣ ихъ можно судить по тому богатству, которое утромъ валялось на всѣхъ улицахъ и дорогахъ бѣгства: масса велосипедовъ, зарядныхъ ящиковъ, корзинъ, кухонъ, съѣстныхъ припасовъ и т. д. Все это валялось буквально повсюду. Съ собою австрійцы, между прочимъ, увели въ качествѣ «заложниковъ» до 80 мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ ксендза Ладыго (послѣдній черезъ два дня былъ отпущенъ, а участь остальныхъ заложниковъ еще не выяснена).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Калишская трагедія.

Позорнѣйшую страницу въ исторіи своего царствованія вписалъ Вильгельмъ. Эта страница будетъ называться —«Уничтоженіе мирнаго города Калиша».

Возмущеніе, ненависть и чувство горькой обиды овладѣваетъ каждымъ, кому приходится читать о злодѣяніяхъ, совершенныхъ вооруженными пруссаками надъ беззащитнымъ населеніемъ города Калиша.

Русскіе, евреи и поляки—жители разрушеннаго Калиша—никогда не забудутъ нашествія тевтоновъ и ненависть свою передадутъ потомкамъ и слезы обиженныхъ, и кровь невинныхъ жертвъ будутъ вопіять о мщеніи.

Здѣсь мы приводимъ Записку ревизора Калишско-Петроковскаго акцизнаго управленія инженеръ-технолога Эдмунда Ивановича Оппмана.

Въ запискѣ этой нѣтъ ни выкриковъ, ни личныхъ разсужденій, а есть спокойное офиціальное изложеніе фактовъ. Но этотъ простой разсказъ о событіяхъ производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Въ ночь съ 19 на 20 іюля по полученіи губернаторомъ телеграммы объ объявленіи войны послѣднимъ поѣздомъ, отошедшимъ около 4 часовъ ночи, успѣли покинуть Калишъ лишь офиціальныя лица и нѣкоторые чи-

новники. Всѣ жители города за полнымъ отсутствіемъ экипажей и подводъ, волей неволей должны были съ семьями оставаться въ Калишѣ, тѣмъ болѣе, что съ утра уже распространился слухъ объ окружившихъ городъ нѣмецкихъ патруляхъ, не выпускавшихъ никого изъ города.

Въ тотъ же день пополудни калишане извѣщены были о приближеніи къ городу германскихъ войскъ первымъ появившимся въ городѣ нѣмецкимъ уланомъ, который въ бѣшенномъ галопѣ проскакалъ отъ рогатки къ Европейской гостиницѣ и обратно, упавъ при этомъ два раза съ лошади; уланъ былъ совершенно пьянъ и страшно перепуганъ; остановившись на рогаткѣ вмѣстѣ съ другимъ, подъѣхавшимъ къ тому времени къ рогаткѣ уланомъ, онъ, еще не оправившись отъ испуга, сталъ сейчасъ же дѣлиться своими впечатлѣніями съ окружившей его толпою, причемъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ должны были первыми прискакать въ городъ по выпавшему жребію и шли, по ихъ мнѣнію, на вѣрную смерть.

Спустя полчаса послѣ появленія въ Калишѣ двухъ прусскихъ улановъ вошелъ въ городъ германскій разъѣздъ во главѣ съ офицеромъ. На встрѣчу разъѣзду вышли на главную Вроцлавскую улицу съ бѣлымъ флагомъ президентъ города и 3 видныхъ обывателя, знающихъ нѣмецкій языкъ. Офицеръ бесѣдовалъ съ делегатами около 15 минутъ, приставляя поочередно дуло своего револьвера къ виску каждаго изъ нихъ, въ это же время всѣ солдаты разъѣзда держали въ рукахъ револьверы и пики, направленными въ сторону делегатовъ. Разспросивъ президента о положеніи города и получивъ завѣреніе и миролюбивомъ настроеніи обывателей, офицеръ, выстрѣливъ изъ револьвера въ воздухъ, направился къ магистрату, а затѣмъ къ Европейской гостиницѣ. Къ ночи городъ былъ занятъ батальономъ пѣхоты 155 Императора Александра III полка и отрядомъ уланъ. Командиръ батальона Прей-

скеръ объявилъ, что онъ вступаетъ въ обязанности коменданта города, причемъ до понедѣльника приказалъ охранять городъ сформировавшейся изъ обывателей милиціи и 30 полицейскимъ стражникамъ съ приставомъ Костенкомъ во главѣ подъ общимъ руководствомъ президента Буковинскаго. Солдаты размѣстились въ городѣ въ общественныхъ зданіяхъ и гимназіяхъ, избѣгая казармъ и казенныхъ учрежденій. Милиція поддерживала образцовый порядокъ и къ всеобщему удовольствію спокойствіе города, не было нарушено ни однимъ крупнымъ инцидентомъ. Въ понедѣльникъ утромъ, 21 іюля на всѣхъ углахъ появились объявленія коменданта Прейскера, въ коихъ жители призывались къ спокойствію; имъ предлагалось открывать торговлю, такъ какъ жизнь и цѣлость имущества жителей внѣ опасности. Въ этотъ же день комендантъ ввелъ въ городѣ военное положеніе, прекратилъ дѣйствіе обывательской милиціи и по городу стали ходить усиленные наряды солдатъ — домъ телефонной станціи, напримѣръ, охранялся нарядомъ изъ 30 солдатъ. Изъ бесѣдъ съ солдатами и фельдфебелями, затѣвавшими разговоры съ жителями, можно было вынести сразу заключеніе, что они стихійно боятся русскихъ войскъ (казаковъ), которые, по ихъ словамъ, спрятаны недалеко отъ Калиша въ подземельяхъ и имѣютъ подземные телефоны и прекрасно организованный шпіонажъ, что по ихъ свѣдѣніямъ вода во всѣхъ колодцахъ отравлена, а магистратъ и казенныя зданія минированы, главное же то, что въ городѣ и пригородахъ имѣется большое количество переодѣтыхъ казаковъ. Этой именно трусливостью и напряженнымъ состояніемъ нѣмецкаго войска, при малѣйшемъ шорохѣ и шумѣ грезящаго казацкой опасностью, можно лишь объяснить послѣдующіе кровавые инциденты. Такъ, въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, въ 11 часовъ ночи, когда въ городъ кучками возвращались изъ г. Ласка нѣсколько десятковъ запасныхъ, бѣжавшій съ главнаго

рынка еврейскій подростокъ крикнулъ проходившему въ это время по улицѣ нѣмецкому патрулю, что въ рынкѣ замѣтилъ нѣсколько казаковъ. Патруль сейчасъ же застрѣлилъ проходившихъ въ то время (на углу Вейской улицы) нѣсколькихъ жителей города и поднялъ тревогу. Въ темнотѣ и подъ вліяніемъ страха въ общей свалкѣ нѣмецкіе стрѣлки, принявъ своихъ уланъ за непріятеля, начали перестрѣлку, въ которой убито и ранено не менѣе 30 нѣмецкихъ солдатъ. Отдѣльные отряды нѣмецкихъ войскъ, убѣгая изъ города въ безпорядкѣ, обстрѣливали направо и налѣво попадавшихся жителей города, окна и двери домовъ.

Улицы города, по которымъ пробѣгали войска, усѣяны были какъ патронными гильзами, такъ и цѣлыми патронами. Затѣмъ началось обстрѣливаніе городскихъ улицъ пулеметами, установленными на рогаткѣ, и разстрѣлъ всѣхъ мужчинъ, живущихъ въ домахъ, изъ которыхъ якобы, по указанію нѣмецкихъ солдатъ, были сдѣланы выстрѣлы въ нѣмецкія войска. Убито и разстрѣляно болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ много возвращавшихся изъ Ласка запасныхъ.

Доказательствомъ паническаго страха, охватившаго нѣмецкихъ солдатъ во время перестрѣлки, можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ одну изъ квартиръ перваго этажа дома № 81, по Вроцлавской улицѣ во время ружейной пальбы вбѣжалъ молодой солдатъ, Нѣмецъ, и, передавъ испуганнымъ жильцамъ свое заряженное ружье, умолялъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не выгонять его на улицу до окончанія перестрѣлки, жалуясь все время на свою злосчастную судьбу. Затѣмъ, когда стрѣльба закончилась, онъ еще не рѣшался выйти одинъ на улицу, дожидаясь долгое время нѣмецкаго патруля. Съ утра во вторникъ 22-го (4) посыпались на городъ одна за другой репрессіи: 1) разстрѣливались всѣ лица, имѣющія при себѣ какое-либо оружіе, а равно лица, у которыхъ оружіе найдено

было на квартирѣ, несмотря на то, что 24-часовой срокъ сдачи оружія, указанный въ объявленіи Прейскера, еще не истекъ; разстрѣлянъ былъ губернскій казначей Соколовъ, уничтожившій до прихода Нѣмцевъ наличныя суммы казначейства; 3) комендантомъ Прейскеромъ наложена была на городъ контрибуція въ 50.000 руб.; днемъ раньше, въ понедѣльникъ, тѣмъ же Прейскеромъ конфискованы около 30.000 руб., хранившихся въ магистратѣ наличными; 4) объявлено было распоряженіе коменданта, что если кѣмъ-либо изъ жителей будетъ причиненъ малѣйшій вредъ хотя бы одному прусскому солдату, напримѣръ будетъ брошенъ камень, то каждый десятый мужчина въ городѣ будетъ разстрѣлянъ, городъ подвергнется бомбардировкѣ, а заподозрѣнные дома будутъ гранатами сравнены съ землей, окна во всѣхъ квартирахъ приказано было освѣщать до утра; 5) Прейскеръ взялъ въ городѣ заложниковъ — больного престарѣлаго предсѣдателя окружнаго суда, священника, ксендзовъ, подраввина, президента города (сильно побитаго Нѣмцами), начальника уѣзда, начальника тюрьмы и нѣсколько самыхъ состоятельныхъ обывателей города.

Взявъ заложниковъ, Прейскеръ рѣшилъ выйти съ войсками изъ города и расположиться лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калиша, ближе къ прусской границѣ. Заложникамъ приказано было идти впереди войскъ, а во время обстрѣла заподозрѣнныхъ домовъ, имъ приказано было ложиться ничкомъ на землю—надъ ихъ головами стрѣляли. Повторялось это нѣсколько разъ, и въ концѣ концовъ больной сердцемъ и растяженіемъ жилъ въ ногахъ богатый фабрикантъ Генрихъ Френкель не могъ самостоятельно подняться. Комендантъ сейчасъ же велѣлъ ближайшему солдату заколоть штыкомъ Френкеля и сбросить его тѣло въ ровъ; затѣмъ вдовѣ убитаго, пожелавшей взять его трупъ, дѣлались всевозможныя препятствія до вымогательства включительно (потребовали за

выдачу тѣла 50,000 марокъ). Дорогой перстень съ бриллiантами исчезъ съ пальца убитаго.

Лишь только войска съ заложниками покинули Калишъ, началась бомбардировка города въ наказанiе якобы за пролитую кровь прусскихъ солдатъ; сдѣлано было около 70 пушечныхъ выстрѣловъ, при чемъ повреждены главнымъ образомъ верхнiе этажи зданiй. Пушечныя ядра пробивали насквозь четыре стѣны подъ рядъ. Въ числѣ другихъ убитъ богатый домовладѣлецъ Батковскiй, жена же его опасно ранена. Обстрѣливались одинаково какъ частные дома, такъ и больница, церковь и костелы. Всѣ жители города въ паническомъ страхѣ попрятались въ подвалы, откуда многiе, боясь возобновленiя бомбардировки, не выходили нѣсколько дней, терпя холодъ и голодъ и проводили большую часть времени въ молитвѣ. Женщины и дѣти въ истерическихъ судорогахъ обнимали своихъ дѣтей, отцовъ и братьевъ, увѣренныя, что послѣднiй ихъ часъ уже наступилъ. Такъ въ предсмертныхъ размышленiяхъ и молитвѣ калишане провели нѣсколько кошмарныхъ дней (вторникъ, среда, четвергъ и пятница). Улицы совершенно опустѣли, лавки закрылись, сторожа домовъ разбѣжались, простой народъ съ котомками вещей въ рукахъ въ какомъ-то изступленiи метался съ одного конца города въ другой, ища болѣе безопасныхъ и надежныхъ подваловъ, или въ паникѣ убѣгая изъ города въ сосѣднiя деревни. Ни одинъ человѣкъ не въ состоянiи былъ вполнѣ овладѣть своими нервами и по ничтожной причинѣ поддавался паническому страху. Въ среду и четвергъ въ городѣ царила мертвая тишина, отъ времени до времени прерываемая пушечными выстрѣлами, не причинявшими городу особаго вреда. Войска за это время не входили въ городъ, лишь небольшiе отряды Нѣмцевъ появлялись въ городѣ днемъ, останавливаясь передъ больницею, гдѣ навѣщали своихъ раненыхъ, а также передъ булочными, мясными, колбасными лавками и пивоварен-

нымъ заводомъ, откуда забирали провіантъ и напитки. Въ это же время распространялись глухіе слухи о томъ, что комендантъ Прейскеръ рѣшилъ бомбардировать городъ до тѣхъ поръ, пока половину домовъ не сравняетъ съ землею, всѣ казенныя зданія въ томъ числѣ и магистратъ предполагалъ сжечь, а большинство мужчинъ разстрѣлять или заколоть. Благоразумные люди не придавали этимъ слухамъ значенія, успокаивали жителей, убѣждали соблюдать спокойствіе и тишину и доказывали женщинамъ и дѣтямъ, что во всякомъ случаѣ, если бы хотя часть этихъ кошмарныхъ предсказаній предполагалось привести въ исполненіе, то по крайней мѣрѣ за 12 часовъ до полнаго разгрома города, жители будутъ объ этомъ оповѣщены для удаленія изъ города хотя бы женщинъ и дѣтей. Разсчеты эти однако не оправдались и событія двухъ слѣдующихъ дней (пятница и суббота) показали, что для пьяныхъ и взбѣшеныхъ нѣмецкихъ звѣрей нѣтъ ничего святого, нѣтъ пощады и законовъ.

Съ утра въ пятницу 25 іюля черезъ Калишъ стали проходить саксонскія войска, пѣхота и уланы, сопровождаемые пресловутымъ 155 полкомъ во главѣ съ комендантомъ Прейскеромъ. Часть войскъ направилась по Ставишинскому шоссе, другая часть, пройдя по городу, возвращалась въ прежній лагерь. Отъ стрѣльбы изъ пушекъ винтовокъ и пулеметовъ повреждены были многіе телефонные столбы, и телефонные провода въ большомъ количествѣ застилали улицы. Лошадь одного молодого офицера такъ запуталась въ проволоку, что упала на переднія ноги; офицеръ, не отдавая себѣ отчета въ происшедшемъ выстрѣлилъ изъ револьвера. Выстрѣлъ послужилъ поводомъ къ всеобщей паникѣ; опять началось обстрѣливаніе оконъ и домовъ, нѣкоторыхъ открытыхъ магазиновъ и разстрѣлъ людей, случайно проходившихъ по улицамъ. Стрѣляли изъ пулеметовъ по всему городу. Солдаты врывались въ дома и въ магазины, грабили, поджигали и вы-

рѣзывали цѣлыя семьи женщинъ, дѣтей и старцевъ. Убиты и ранены нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ зданіи магистрата, гдѣ по приказанію коменданта собрались городскіе служащіе, зарублены были топоромъ на смерть городской кассиръ Пашкевичъ и три сторожа. На Бабиной и Вроцлавской улицахъ лежала масса труповъ людей, дѣтей и даже лошадей. Въ общей свалкѣ и паникѣ Нѣмцы опять стрѣляли по своимъ и потеряли убитыми и ранеными много солдатъ. Населеніемъ города овладѣлъ паническій страхъ въ ожиданіи мести тевтоновъ, которые не заставили себя долго ждать. Вскорѣ костромъ запылало красивое зданіе магистрата и начались пожары въ разныхъ мѣстахъ города. Небольшіе оставшіеся въ городѣ отряды войскъ, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ и побросавъ, по свидѣтельству очевидцевъ, убитыхъ солдатъ своихъ въ огонь, быстро удалились изъ города. Въ 8³/₄ часовъ началась по городу пушечная пальба (пулями, гранатами и шрапнелью), продолжавшаяся непрерывно до 5 съ половиной часовъ утра. Сдѣлано было въ городъ свыше 400 выстрѣловъ, послѣ каждаго выстрѣла раздавался шумъ обвалившихся частей зданій и истерическій крикъ женщинъ и дѣтей.

Наконецъ, въ 5½ часовъ утра въ субботу 26 іюля пальба прекратилась, и все какъ-будто замерло кругомъ. Однако, тишина продолжалась недолго. Внезапно во всѣ окна и ворота по Вроцлавской улицѣ, съ неистовымъ крикомъ и шумомъ стали вламываться разсвирѣпѣвшіе нѣмецкіе солдаты и, врываясь во всѣ квартиры, съ крикомъ «руки вверхъ», арестовывали всѣхъ попавшихся мужчинъ, въ возрастѣ отъ 10 лѣтъ, женщинамъ и дѣтямъ приказано было забиться въ одинъ уголъ и стать на колѣни. Когда моя жена подскочила къ солдатамъ и стала по-нѣмецки упрекать ихъ за то, что они издѣваются надъ дѣтьми и хотѣла отбить отъ нихъ моего 12-лѣтняго сына, которому также приказано было поднять руки вверхъ и слѣдовать

за всѣми арестованными, то подоспѣвшій къ тому времени офицеръ ударилъ ее такъ сильно прикладомъ ружья, что она упала на полъ и сейчасъ же получила горловое кровотеченіе. Арестовано было болѣе 700 человѣкъ, въ томъ числѣ много подростковъ и старцевъ; арестованъ былъ также въ числѣ другихъ 80-лѣтній старикъ, ксендзъ Викторъ, монахъ-реформатъ. Всѣ арестованные сейчасъ же были обысканы самымъ тщательнымъ образомъ по нѣсколько разъ, меня ругали площадною бранью за то, что нашли въ карманѣ двѣ полныхъ коробки спичекъ; у слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ князя Крымъ-Шахмалова отобрали его портфель съ документами и 200 рублей, у товарища прокурора Воробьева отобрали съ крикомъ небольшой перочинный ножъ. Сильно избиты были присяжный повѣренный Гадомскій и губернскій провизоръ 70-лѣтній старикъ Прусаковскій. Всѣхъ насъ называли опасными русскими шпіонами и высказывали предположеніе, что мы первые стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ. Послѣ обыска всѣхъ насъ окружили сильнымъ конвоемъ солдатъ и, приказавъ все время держать руки вверхъ, повели въ свой лагерь. Дождь шелъ проливной, а многіе изъ арестованныхъ были въ одномъ лишь нижнемъ бѣльѣ, безъ сапогъ. По дорогѣ намъ было объявлено, что насъ ведутъ на разстрѣлъ въ наказаніе за пролитую кровь нѣмецкихъ солдатъ; кто не въ состояніи былъ идти скоро, того ударяли прикладами ружей и ранили штыками такъ, что многіе истекали кровью. Когда мы прибыли въ поле около лагеря, тамъ только что кончилась экзекуція разстрѣла 19 мужчинъ, взятыхъ въ тотъ же день изъ заподозрѣнныхъ домовъ. Всѣхъ насъ подѣлили на нѣсколько партій и рядовъ, по 10 человѣкъ въ рядъ, приказано было смотрѣть лишь впередъ, съ одной стороны недалеко отъ насъ стали на колѣни нѣмецкіе солдаты съ направленными на насъ ружьями, съ другой стороны поставленъ былъ, все время молившійся старикъ-ксендзъ.

Офицеры давали какія-то порученія солдатамъ. Словомъ, полная картина разстрѣла. Продержали насъ подъ страхомъ ежеминутнаго разстрѣла около часу. Затѣмъ каждой изъ партіи въ отдѣльности приказано было отправиться въ одинъ изъ трехъ недалеко находящихся бараковъ пограничной стражи. Намъ было объявлено, что сейчасъ состоится надъ нами полевой судъ и пожалуй разстрѣляютъ лишь каждаго десятаго. Баракъ закрыли и оставили насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно нашей судьбы въ удушливой невыносимой атмосферѣ (человѣкъ стоялъ вплотную къ человѣку). Нѣсколько разъ нѣмецкій офицеръ, желая что-то сообщить намъ, открывалъ дверь барака и сейчасъ же ее захлопывалъ, не сказавъ ни слова, задыхаясь отъ удушливаго воздуха. Наконецъ, въ полдень явился къ намъ фельдфебель и, заявивъ отъ имени коменданта, что въ Берлинъ послана телеграмма съ просьбою о помилованіи и замѣнѣ казни каторжными работами въ Острово или Познани, предложилъ намъ написать прощальныя письма роднымъ. Затѣмъ тотъ же фельдфебель сообщилъ намъ, что въ этотъ день, кромѣ воды, которую привезутъ намъ къ вечеру, никакой ѣды мы больше не получимъ, и разрѣшилъ до 9 часовъ вечера выходить изъ барака по одиночкѣ, предваривъ, что въ девять часовъ вечера мы будемъ закрыты на ключъ до слѣдующаго утра, желаніе выйти, разговоръ съ патрулями или приближеніе къ окошку будутъ наказываться разстрѣломъ всего барака. Около 4 часовъ пополудни намъ принесли въ корытахъ немного грязной воды и запретили даже послать за хлѣбомъ на собственный счетъ. Въ томительномъ ожиданіи проходили минуты за минутами. Наконецъ въ 7 час. явился въ баракъ тотъ же фельдфебель, приказалъ намъ выстроиться въ ряды опять по 10 человѣкъ и подъ сильнымъ конвоемъ вывелъ насъ въ поле, гдѣ опять повторилась утренняя картина, такъ похожая на приготовленіе къ разстрѣлу. На этотъ разъ не пришлось ожидать такъ дол-

го и предъ нами вскорѣ предсталъ блестящій саксонскій генералъ, обратившійся къ намъ приблизительно съ слѣдующими словами: «Только что получилъ всемилостивѣйшую телеграмму кайзера Вильгельма и могу вамъ сообщить, что кайзеръ нашъ въ порывѣ великодушія приказалъ на сей разъ помиловать васъ всѣхъ, считая васъ своими прусскими подданными. Кайзеръ просилъ сообщить вамъ, что онъ одинаково милостиво относится ко всѣмъ націямъ, входящимъ въ составъ его государства, какъ-то: Нѣмцамъ, Русскимъ и Полякамъ, а поэтому, хотя преступленіе ваше и ужасное: на Вроцлавской улицѣ пролилась вчера кровь 12 его самыхъ дѣльныхъ солдатъ, изъ коихъ пять уже умерло, но кайзеръ желая дать новымъ своимъ подданнымъ примѣръ великодушія, отпускаетъ васъ всѣхъ домой и прощаетъ вамъ вашу вину, Помните только, что если въ послѣдующіе дни упадетъ хотя бы волосокъ съ головы прусскаго солдата, то всѣ вы будете разстрѣляны или заколоты. Да здравствуетъ кайзеръ». Затѣмъ намъ приказано было разойтись по домамъ. Нѣмецкіе солдаты во главѣ съ офицеромъ провожали насъ до города, а затѣмъ быстро повернувъ, ушли по направленію къ Скальмержицамъ, передвинувъ свой лагерь ближе къ прусской границѣ.

На обратномъ пути въ городъ повсюду видны были пылающіе костромъ дома въ разныхъ частяхъ города. Оказывается, что послѣ ареста мужчинъ другая партія нѣмецкихъ солдатъ ходила по городу съ соломою и керосиномъ и поджигала оставленные на попеченіи женщинъ и дѣтей дома и магазины, открывая вездѣ газовые рожки. Въ тотъ же день вечеромъ городъ, насчитывавшій до 80.000 жителей, опустѣлъ совершенно. Люди убѣгали изъ города въ чемъ кто былъ. Никто изъ жителей города послѣ стольких кошмарныхъ сюрпризовъ не хотѣлъ оставаться дольше подъ покровительствомъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Когда въ воскресенье утромъ 27 іюля я съ семьею

покидалъ городъ, въ немъ церствовала мертвая тишина и лишь дымъ догоравшихъ зданій, разбросанныя по улицамъ цѣнныя вещи и кое-гдѣ валявшіеся еще не прибранными трупы людей, свидѣтельствовали о только что пережитой Калишемъ страшной кровавой трагедіи.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, побывавшихъ въ Калишѣ, въ теченіе недѣли съ 27 іюля по 3 августа, нѣмецкое войско совмѣстно съ выпущенными прусскими властями изъ калишской тюрьмы преступниками, все время продолжаетъ звѣрское дѣло разрушенія города. Выгорѣла уже вся центральная часть города. Старый рынокъ со всѣми примыкающими къ нему улицами. Горятъ костелы, казенныя зданія и лучшіе частные дома. Оставленные на произволъ судьбы квартиры, магазины и лавки разграблены окончательно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Контрибуція.

Яркую картину нравовъ астрійскихъ воиновъ рисуетъ одинъ изъ врачей нашей арміи, бывшій свидѣтелемъ «взятія» незащищеннаго Каменецъ-Подольска австрійцами.

Австрійскихъ войскъ ждали давно подъ Каменцомъ: уходила полиція, выступало изъ города ополченіе, спѣшно упаковывалась почта и т. д. 3 августа по городу ходили слухи, что въ с. Оренинѣ, въ 16 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Каменца появился значительный отрядъ австрійскихъ войскъ. Кромѣ того, въ послѣдніе дни, предшествовавшіе бомбардировкѣ города, насъ нащупывали какіе-то аэропланы. По одному такому аэроплану появившемуся надъ городомъ 2 августа, ополченцы и пограничная стража открыли сильный ружейный огонь, но летчики быстро поднялись за предѣлы выстрѣловъ. Но 3-го и даже 4-го утромъ никто не думалъ, что австрійцы подступятъ къ самому Каменцу. Почтальонъ, явившійся въ больницу въ 10 часовъ утра 4 августа, сказалъ мнѣ, что почта правильно функціонируетъ, а на почтово-телеграфной станціи мнѣ наканунѣ сообщили, что частныя телеграммы безпрепятственно принимаются.

Часамъ къ 11 утра началъ собираться народъ изъ города около нашей больницы. Снова пошли слухи о томъ,

что къ Каменцу подходятъ австрійцы; на больницѣ подняли флагъ Краснаго Креста. Всему этому я не придавалъ большого значенія, такъ какъ тревоги такого рода бывали за послѣдніе дни неоднократно. Однако, слухи о наступленіи непріятеля все усиливались. Скоро весь большой больничный дворъ заполнился людьми, бѣжавшими изъ города и желавшими укрыться подъ флагомъ Краснаго Креста. Около полудня гдѣ-то въ отдаленіи началась перестрѣлка. Хирургъ нашъ былъ въ это время боленъ, но все же рѣшилъ организовать гдѣ-нибудь подачу первой помощи, на случай, если будутъ раненые, и предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Мы велѣли заложить лошадей въ больничный экипажъ, захватили съ собой перевязочный матеріалъ и съ флагомъ Краснаго Креста поѣхали въ городъ. Съ нами были еще фельдшерица, студентъ и санитаръ.

Когда я вышелъ на старый бастіонъ надъ Турецкимъ мостомъ и увидѣлъ поставленную тамъ дружину, всякія сомнѣнія о неизбѣжности боя въ самомъ Каменцѣ исчезли: солдаты спѣшно готовились къ стрѣльбѣ. Офицеръ сказалъ, что оставаться намъ здѣсь неудобно, такъ какъ у непріятеля есть артиллерія, а потому мы можемъ подвергнуться обстрѣлу. Поэтому мы вернулись назадъ и рѣшили остановиться на Бульварной улицѣ, противъ зданія городской управы, въ Маріинской гимназіи. По пріѣздѣ туда, водрузили на крышѣ гимназіи флагъ Краснаго Креста, и сами усѣлись на крышѣ, съ которой, какъ на ладони, виденъ весь городъ и всѣ его окрестности. Сперва была ружейная стрѣльба, гдѣ-то въ сторонѣ Польскихъ Фольварковъ, а потомъ начались и пушечные выстрѣлы. Первые снаряды рвались въ центрѣ города. Но вскорѣ начали бить по домамъ, расположеннымъ противъ Маріинской гимназіи. Обстрѣлу подверглась и Бульварная улица, на которой былъ расположенъ нашъ перевязочный

пунктъ. Нашего флага или было не видно издали, или на него не обращали вниманія.

Обстрѣлъ города продолжался около двухъ часовъ. Особыхъ разрушеній онъ не произвелъ: пострадалъ, главнымъ образомъ, районъ въ самомъ центрѣ города около каѳедральнаго собора и мужской гимназіи. Въ больницу, къ счастью, не попалъ ни одинъ снарядъ; въ больницѣ и въ больничномъ дворѣ укрывался во время бомбардировки чуть ли не весь городъ. Всего намъ въ больницу доставили 7 человѣкъ раненыхъ; изъ нихъ 3 солдата и 4 обывателя; послѣдніе получили раны въ центрѣ города. На слѣдующій день скончались двое, оба съ пораненіями брюшной полости. Убито наповалъ во время бомбардировки было два человѣка.

Часамъ къ 5 вечера началось съ разныхъ сторонъ вступленіе въ городъ австрійскихъ войскъ. Наше ополченіе все успѣло отступить, и плѣнныхъ не было. Къ великому счастью для города, Каменцу пришлось имѣть дѣло съ разноплеменнымъ австрійскимъ войскомъ, а не съ пруссаками. Австрійскіе солдаты и офицеры держали себя вполнѣ корректно. Странно было чувствовать себя въ этомъ непріятельскомъ лагерѣ, въ которомъ со всѣхъ сторонъ слышалась польская, малорусская и какая-то ломанная русская рѣчь. Но, на несчастье наше, войсками командовалъ прусскій генералъ.

Часовъ въ 11 вечера явился изъ общины Краснаго Креста санитаръ и сказалъ, что въ одномъ домѣ за Турецкимъ мостомъ находятся трое русскихъ раненыхъ, что австрійцы сдѣлали имъ перевязки и просятъ взять ихъ теперь же въ больницу. Хирургъ нашъ къ вечеру окончательно расхворался, и поэтому я поѣхалъ за этими ранеными, вмѣстѣ съ санитаромъ и фельдшеромъ.

На войнѣ всякій начальникъ маленькой части является твоимъ господиномъ и, въ концѣ концовъ, все зависитъ отъ того, какъ онъ вздумаетъ съ тобой поступить.

Ѣдемъ по совершенно пустымъ улицамъ и встрѣчаемъ густую колонну пѣхоты; я освѣщаю фонаремъ флагъ Краснаго Креста, подбѣгаю къ начальнику отряда и начинаю мое объясненіе съ «mein Herr», но меня окликаетъ часовой, говоритъ мнѣ «rechts», и вызываетъ какое-то начальство. Объясняю послѣднему, можно ли проѣхать за Турецкій мостъ. Тотъ смотритъ на повозку Краснаго Креста, на флагъ и говорить, что можно.

Выѣзжаемъ на Губернаторскую площадь. Снова «halt» и снова объясненія. Часовой смотритъ недовѣрчиво, подозрительно и опять недоумѣваетъ, на какомъ основаніи мы разъѣзжаемъ ночью по непріятельскому лагерю. Въ это время подходитъ нѣсколько солдатъ. Одинъ заявляетъ, что онъ говоритъ «по-русски», и принимаетъ во мнѣ самое дѣятельное участіе. Забираетъ меня подъ руку, хлопаетъ по плечу, все время убѣждаетъ меня «не боисся» и тащитъ куда-то между безконечными рядами обозныхъ. Наконецъ, подводитъ къ повозкѣ, на которой, красуется Красный Крестъ. Изъ повозки торчитъ чья-то нога. Солдатикъ довольно безцеремонно хватаетъ эту ногу за носокъ и начинаетъ трясти. Когда въ повозкѣ послышалась, наконецъ, соотвѣтствующая реакція, нижній чинъ вытягивается въ струнку, прикладываетъ руку къ козырьку и что-то рапортуетъ. Изъ повозки вылѣзаетъ военный съ повязкой Краснаго Креста, прикладываетъ руку къ козырьку и рекомендуется Arzt'омъ такой-то части. Трясемъ другъ другу руки, именуемъ другъ друга «collega», словно и не на войнѣ. Collega говоритъ, что, конечно, мы можемъ проѣхать съ нашимъ флагомъ Краснаго Креста куда намъ угодно, чуть ли не до самой Вѣны. Но едва мы отъѣзжаемъ какихъ-нибудь 100 шаговъ, и снова «halt», снова угрюмыя лица, снова допросы, кто мы такіе и зачѣмъ заѣхали ночью въ самый центръ лагеря. Мой паспортъ не внушаетъ никакого довѣрія. Въ заключеніе объявляютъ мнѣ рѣшеніе: пожалуйте на ту сторону моста,

къ коменданту. На наше счастье, коменданта искали, искали и не нашли. Пришелъ опять какой-то чинъ, подробно допрашивалъ. На мои отвѣты пожималъ плечами и, видимо, совсѣмъ не былъ склоненъ отпустить насъ назадъ. «На какомъ основанiи проѣхали ночью черезъ весь австрiйскiй лагерь». Объясняю,—пожимаетъ плечами.— «Drei verwundete Russen» уже давно отправлены въ нашу больницу и они, конечно, уже давно тамъ находятся.— «Но намъ, говорю, принесли извѣстiе, что ваши же офицеры просили за ними прiѣхать, а раненыхъ намъ не доставляли; по крайней мѣрѣ, ихъ еще не было въ больницѣ, когда мы оттуда выѣхали». Снова недовѣрчивое пожиманiе плечами. «Но гдѣ же вашъ пропускъ?»—«Пропуска у насъ нѣтъ, но ваши же офицеры разрѣшили намъ проѣхать». «Какiе офицеры?» и т. д. Въ концѣ концовъ, насъ все-таки отпустили. Я вздохнулъ свободно, когда мы снова выѣхали на Губернаторскую площадь. Опять увидѣлъ знакомаго солдата, говорящаго «по-русски». Привѣтствовалъ меня, какъ прiятеля. До больницы добрались благополучно и тамъ узнали, что туда недавно доставлены три русскихъ раненыхъ солдата. Но сверхъ того, насъ ожидало извѣстiе гораздо болѣе страшное, чѣмъ опасенiе быть задержанными или даже чѣмъ сама испытанная нами бомбардировка.

Только что вернулся съ экстреннаго засѣданiя думы нашъ старшiй врачъ и гласный думы и поставилъ насъ въ извѣстность объ ультиматумѣ, предъявленномъ городу прусскимъ генераломъ. По этому поводу имѣется офицiальный документъ.

«Въ виду того, что при вступленiи австрiйскихъ войскъ въ городъ Каменецъ, послѣ поднятiя бѣлаго флага, мирными жителями было произведено до 20 выстрѣловъ въ австрiйскiя войска, на городъ накладывается слѣдующая контрибуцiя: 200.000 рублей золотомъ и серебромъ, 200 подводъ съ лошадьми, 800 пудовъ выпечен-

наго хлѣба и 60 воловъ на мясо. Вся эта контрибуція должна быть уплачена къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня. Въ противномъ случаѣ городской голова будетъ повѣшенъ, а городъ уничтоженъ».

Всѣ впали въ полное отчаяніе. Гдѣ было взять 200,000 р. золотомъ и серебряною монетою? Казначейство и всѣ банки, а равно и всѣ состоятельныя лица уже давно выѣхали изъ города. Уже цѣлую недѣлю въ городѣ нельзя было нигдѣ размѣнять трехрублевой бумажки. Въ самыхъ богатыхъ еврейскихъ домахъ оставалось не болѣе 25 рублей звонкой монетой. Дѣло ясное, 200,000 р. собрать невозможно. Такъ и заявила депутація генералу. Генералъ накричалъ на нее, стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ: «man muss», а не то... и онъ весьма выразительно показалъ городскому головѣ жестъ кругомъ шеи. Съ 4-го на 5-е жители не спали, а собирали все, что можно. Цѣлую ночь въ кабинетѣ врачей толпились люди; чуть ли не весь городъ остался на ночь на больничномъ дворѣ и въ больничныхъ коридорахъ. Деньгами давали мало, ибо ихъ не было, но зато цѣлая гора колецъ, брошекъ, часовъ, подстаканниковъ и другихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей была собрана къ утру. Все шло только по вѣсу. Очень цѣнная коллекція старинныхъ монетъ, которая въ свое время была оцѣнена болѣе чѣмъ въ 15,000 руб., пошла всего за 600—800 рублей. И все-таки къ $6^{1}/_{2}$ часамъ утра, когда старшій врачъ понесъ нашъ сборъ въ управу, въ общемъ узлѣ было не болѣе какъ на 5,000—6,000 рублей золота и серебра. Наибольшій сборъ дали церкви, костелы и синагоги. Были взяты кресты, чаши и вообще вся цѣнная утварь. У многихъ въ городѣ пришлось брать деньги силою и разбивать кассы.

Затѣмъ начались поиски генерала; ночью онъ куда-то выѣхалъ. Въ 8 часовъ бомбардировка города, однако,

не началась. Вмѣсто генерала всю контрибуцію принималъ какой-то полковникъ. Ему, говорятъ, было очень неловко. Всю утварь изъ церквей, костеловъ и синагогъ онъ поспѣшилъ вернуть обратно; оцѣнивалъ очень спѣшно, насчитывая какъ можно больше. Все-таки насчиталъ всего только на 25,000 рублей, и, тѣмъ не менѣе, выразилъ полное удовлетвореніе. А еще черезъ день приказано было всю контрибуцію вернуть обратно. Говорятъ, что въ Вѣнѣ очень неблагосклонно отнеслись къ донесеніямъ генерала.

Австрійскіе офицеры передавали слѣдующее членамъ городской депутаціи, являвшейся къ генералу. Когда ихъ войска входили въ городъ, то изъ одного окна раздался выстрѣлъ, которымъ былъ смертельно раненъ адъютантъ генерала. Тогда послѣдній рѣшилъ дѣйствовать по примѣру своихъ прусскихъ коллегъ. Онъ отдалъ приказаніе немедленно бомбардировать городъ до полнаго разрушенія, а затѣмъ предоставить солдатамъ полную свободу дѣлать съ уцѣлѣвшимъ населеніемъ все, что имъ вздумается. Офицеры доложили, что не могутъ исполнить этого приказа изъ опасенія, что отрядъ откажется повиноваться, и просили созвать военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ и былъ рѣшенъ вопросъ о наложеніи контрибуціи: на меньшее генералъ не соглашался.

Уже къ вечеру 5 августа австрійцы очистили городъ, отступивъ верстъ на 5 по направленію къ границѣ, въ мѣстечко Козакъ. Туда ѣздила наша депутація принимать обратно контрибуцію, которая была возвращена полностью. 6-го числа нѣсколько австрійцевъ пріѣзжали въ Каменецъ за какими-то покупками, а 7-го вечеромъ весь непріятельскій отрядъ, какъ разсказываютъ, поспѣшно отступилъ къ границѣ. Еще черезъ день въ Каменецъ вступили наши войска, и, такимъ образомъ, къ счастью, окончилось наше плѣнѣніе австрійцами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Голосъ власти.

Передъ нами исторический документъ, содержащій въ себѣ краткій обзоръ германскихъ звѣрствъ. Этотъ документъ имѣетъ огромное значеніе: онъ составленъ и опубликованъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и состоитъ изъ фактовъ строго провѣренныхъ.

Вотъ содержаніе этого правительственнаго сообщенія.

Почти немедленно по объявленіи Германіей войны въ Россію начали доходить тревожныя извѣстія объ участи русскихъ подданныхъ, въ большомъ количествѣ находившихся въ то время въ различныхъ нѣмецкихъ курортахъ или возвращавшихся изъ Австріи, Швейцаріи или Франціи. Вскорѣ стали появляться уже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о грубомъ, безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкаго населенія и германскихъ властей со всѣми русскими, не исключая даже женщинъ и дѣтей.

Сначала нельзя было не отнестись нѣсколько скептически къ подобнымъ извѣстіямъ, предполагая возможность какъ обобщенія единичныхъ — случайныхъ фактовъ, такъ и столь естественнаго при общемъ нервномъ настроеніи преувеличенія со стороны пострадавшихъ, которые вслѣдствіе условій военнаго времени могли ока-

заться въ тяжеломъ положеніи, помимо воли правительственныхъ органовъ. Однако, возвращавшіеся въ большомъ количествѣ изъ Германіи бѣглецы не только подтверждали единогласно почти всѣ уже попавшія въ печать извѣстія о звѣрствахъ, чинимыхъ въ Германіи надъ беззащитными русскими путешественниками, но зачастую сообщали еще болѣе ужасающія подробности о поистинѣ безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкой толпы, солдатъ и даже германскихъ властей съ нашими соотечественниками.

Въ виду этого Министерство Иностранныхъ Дѣлъ нашло нужнымъ путемъ подробныхъ опросовъ и тщательной провѣрки отдѣльныхъ показаній многихъ изъ пострадавшихъ выяснить истинное положеніе вещей. При этомъ пришлось съ прискорбіемъ установить цѣлый рядъ фактовъ, стоящихъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со сложившимся представленіемъ о германской націи, какъ о высоко культурномъ членѣ европейской семьи народовъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что берлинскія власти не сумѣли или не пожелали оградить отъ насилій и издѣвательства толпы даже офиціальныхъ дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ при различныхъ германскихъ дворахъ, и членовъ русскаго посольства въ Берлинѣ. Несмотря на то, что полиціи не могъ не быть извѣстенъ точный часъ отбытія изъ Берлина состава посольства, такъ какъ часъ отправленія поѣзда былъ назначенъ германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, выѣздъ офиціальныхъ русскихъ представителей на станцію желѣзной дороги сопровождался не только шумными враждебными Россіи демонстраціями и грубой площадной бранью, но и нападеніемъ озвѣрѣвшей толпы на экипажи, выѣзжавшіе изъ воротъ посольства съ членами русскаго посольства въ Берлинѣ и русскихъ миссій въ столицахъ другихъ германскихъ государствъ. При этомъ почти всѣ изъ сидѣв-

шихъ въ экипажахъ получили изъ толпы болѣе или менѣе сильные удары по спинѣ, затылку и плечамъ. Пострадали между прочимъ: посланникъ въ Карлсруэ графъ Бревернъ де ла Гардъ и его жена; супруга посланника въ Стутгартѣ госпожа Лермонтова, о спину коей сломалъ свой зонтикъ пожилой господинъ съ большой сѣдой бородой въ золотыхъ очкахъ; сестры супруги министра-президента въ Дармштадтѣ графиня Литке и графиня Тотлебенъ, княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская; секретари миссіи Дмитровъ и Кутеповъ и другіе. Многіе, какъ, напримѣръ, супруга морского агента въ Берлинѣ госпожа Беренсъ, секретарь посольства Іоновъ и др. получили легкіе ушибы въ лицо отъ мелкихъ камней, брошенныхъ изъ толпы. Дьякону посольской церкви Лопаткѣ сильнымъ ударомъ палки совершенно продавлена твердая шляпа, которая спасла его отъ серьезнаго пораненія, и т. д. Только благодаря счастливой случайности всѣ эти удары причинили лишь сильную боль, но не произвели болѣе серьезныхъ пораненій; однако, ударъ, полученный по головѣ бывшимъ секретаремъ посольства, камергеромъ Храповицкимъ, вызвалъ сильное кровотеченіе, такъ что пришлось въ поѣздѣ наложить перевязку, а въ Копенгагенѣ обратиться къ помощи врача.

Кромѣ того, большинство изъ дамъ получили по нѣсколько плевковъ въ лицо: княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, госпожа Раевская, графини Литке и Тотлебенъ, графиня Бревернъ и др. Дѣти избѣгли побоевъ лишь благодаря находчивости родителей, запрятавшихъ ихъ на дно автомобилей.

Съ россійскими консульскими представителями германскіе правительственные органы совсѣмъ не стѣснялись; ген. консулъ въ Бреславлѣ, кол. сов. баронъ Шиллингъ былъ арестованъ 20-го іюля, между 5 и 6 час. дня, на своей квартирѣ, тщательно обысканъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ обращеніе съ нимъ

было самое грубое, ничѣмъ не отличавшееся отъ обращенія съ преступниками, находящимися въ сосѣднихъ камерахъ; при томъ самыя скромныя его просьбы отклонялись тюремнымъ начальствомъ съ глумленіемъ.

Лишь на слѣдующій день баронъ Шиллингъ около часу дня былъ отпущенъ безъ всякихъ объясненій со стороны мѣстныхъ властей. Одновременно съ нашего генеральнаго консула было взято обязательство немедленно выѣхать съ семьей въ Кенигсбергъ, гдѣ военныя власти должны были озаботиться дальнѣйшимъ ихъ слѣдованіемъ въ Россію. Изъ Кенигсберга баронъ Шиллингъ съ семьей—все время въ сопровожденіи солдата или офицера—былъ направленъ въ Инстербургъ; здѣсь снова произведенъ былъ обыскъ, причемъ всѣхъ, даже дѣтей, раздѣли. Консулъ въ Штеттинѣ, ст. сов. Цейдлеръ, съ которымъ мѣстныя власти обошлись вполнѣ корректно и разрѣшили безпрепятственно выѣхать, при проѣздѣ своемъ изъ означеннаго города въ Швецію былъ арестованъ со всей семьей въ Ростокѣ, причемъ, несмотря на имѣвшійся при немъ паспортъ, его продержали подъ арестомъ болѣе сутокъ и обращались съ нимъ до крайности грубо, какъ съ уголовнымъ преступникомъ. Консулъ въ Кенигсбергѣ, ст. сов. Поляновскій и весь составъ Императорскаго консульства въ этомъ городѣ съ самаго начала войны исчезъ. Только на-дняхъ получилось въ Министерствѣ извѣщеніе черезъ посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что г. Поляновскій живъ и содержится германскими властями въ военной тюрьмѣ; той же участи подверглись, повидимому, генеральный консулъ въ Данцигѣ, д. с. с. Островскій, 21-го іюля уже успѣвшій пріѣхать въ Берлинъ, и консулъ въ Мангеймѣ, ст. сов. Броссе.

Еще болѣе возмутительный образъ дѣйствія германскіе правительственные органы проявили по отношенію къ русскому генеральному коммисару международной

выставки печати въ Лейпцигѣ, гофмейстеру Высочайшаго Двора, сенатору Бельгарду. Предвидя возможность близкаго разрыва дипломатическихъ еношеній, сенаторъ Бельгардъ 19-го іюля заявилъ на собраніи коммисаровъ о своемъ намѣреніи закрыть русскій павильонъ, и только вслѣдствіе просьбы о томъ выставочнаго комитета онъ согласился отложить закрытіе подъ тѣми, однако, условіями, что ему будетъ гарантирована цѣлость экспонатовъ и сохраненіе ихъ въ городскомъ музеѣ, а также обезпеченъ безпрепятственный выѣздъ въ Россію какъ ему самому, такъ и всѣмъ его русскимъ сотрудникамъ; о вышеизложенномъ былъ составленъ соотвѣтствующій протоколъ. Несмотря на это, 21-го іюля, въ 3 часа дня, онъ самъ и всѣ члены русскаго коммисаріата были арестованы въ помѣщеніи русскаго павильона. Послѣ подробнаго допроса, производившагося въ грубой формѣ простымъ вахмистромъ, и тщательнаго обыска всего багажа въ гостиницѣ, всѣ они къ вечеру освобождены, но на слѣдующій же день снова арестованы, снова подвергнуты допросу, во время котораго они принуждены были раздѣться до-гола; затѣмъ они были посажены въ тюрьму для уголовныхъ преступниковъ, гдѣ пришлось провести ночь. На слѣдующій день они были освобождены безъ всякихъ объясненій причины ареста; за все это время обращеніе съ сенаторомъ Бельгардомъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ было совершенно непристойное.

Нелишне указать въ видѣ характерной подробности, что при водвореніи въ тюрьму у сенатора Бельгарда и его помощниковъ были отобраны всѣ деньги, причемъ бывшія въ золотыхъ двадцатимарковыхъ монетахъ—были возвращены ему при освобожденіи бумажками.

Столь возмутительный образъ дѣйствій правительственныхъ органовъ по отношенію къ лицу, занимающему крупное общественное положеніе и находившемуся

въ Лейпцигѣ во главѣ русскаго отдѣла международной выставки и, наконецъ, лично извѣстнаго всѣмъ мѣстнымъ властямъ, можно объяснить исключительно желаніемъ послѣднихъ подвергнуть русскаго сановника издѣвательству.

Этимъ, впрочемъ, не ограничились злоключенія сенатора Бельгарда. Лейпцигскія власти направили его въ Берлинъ къ саксонскому посланнику въ этомъ городѣ барону ф. Зальца (Frhr von Salza v. Lichtenau) съ тѣмъ, чтобы послѣдній оказалъ содѣйствіе для дальнѣйшаго слѣдованія его въ Россію. Вмѣсто содѣйствія, нѣмецкій дипломатъ въ крайне грубой формѣ заявилъ, что не намѣренъ помогать врагамъ, и при этомъ настолько забылъ о своемъ званіи, что позволилъ себѣ выразиться въ непозволительно рѣзкихъ выраженіяхъ о Россіи и ея политикѣ.

Перечислять всѣ случаи грубаго насилія и жестокости, которыя пришлось претерпѣть въ Германіи русскимъ путешественникамъ, безъ различія ихъ возраста, пола и общественнаго положенія, было бы немыслимо. Приходится ограничиться лишь указаніемъ на отдѣльные случаи. Судя по тщательно провѣреннымъ показаніямъ многихъ возвращавшихся въ это время нашихъ соотечественниковъ, имъ пришлось претерпѣть слѣдующія испытанія: они перевозились въ вагонахъ, предназначенныхъ для скота, изъ которыхъ даже еще не былъ убранъ навозъ; въ городахъ, въ которыхъ имъ приходилось останавливаться, они помѣщались зачастую въ конюшняхъ, свиныхъ хлѣвахъ, карантинныхъ помѣщеніяхъ для скота, на бойняхъ (напримѣръ, въ Штеттинѣ); окруженные солдатами, русскіе, въ большинствѣ женщины и дѣти, причемъ зачастую больные, перегонялись черезъ городъ такимъ скорымъ шагомъ—иногда съ поднятыми кверху руками (въ Кенигсбергѣ), что женщины даже падали въ изнеможеніи (въ Ней-Стрелицѣ, Штет-

тинѣ, Ростокѣ, Бреславлѣ), отходить въ сторону или оборачиваться запрещалось подъ угрозою немедленнаго разстрѣла. Одного дряхлаго старика при подобномъ перегонѣ чрезъ Ней-Стрелицъ (20-го и 21-го іюля), за то, что онъ бросилъ въ сторону тяготившій его пакетъ, полицейскій изо всей силы ударилъ по головѣ кулакомъ. Полицейская собака, находившаяся тутъ же, кинулась на упавшаго отъ удара старика и искусала въ кровь лицо (показанія шталм. кн. Урусова). На всѣхъ этапахъ (Алленштейнъ, Ростокъ и т. д.), при посадкѣ въ вагоны, солдаты заталкивали дамъ и дѣтей кулаками и ружейными прикладами, причемъ отдѣльные члены семьи разлучались, и было много случаевъ потери малолѣтнихъ.

По нѣскольку дней почти совсѣмъ не приходилось ѣсть, и власти даже отказывали иногда въ питьевой водѣ. Путешественники, входившіе въ одинъ изъ транспортовъ, приблизительно, въ 60 человѣкъ, (25 женщинъ), въ теченіе 70 часовъ въ перегонѣ между Алленштейнъ,—Данцигъ—Штеттинъ выпущены были лишь одинъ разъ и за все время имъ было отказано въ питьевой водѣ. Все это сопровождалось глумленіемъ надъ несчастными, застращиваніемъ, постоянными угрозами разстрѣла, дѣйствовавшими самымъ угнетающимъ образомъ на женщинъ и дѣтей, съ которыми дѣлались обмороки, истерики и т. д.

Нужно еще добавить, что мужчины въ возрастѣ на видъ отъ 18 до 50 лѣтъ арестовывались, какъ военноплѣнные; имъ не давали возможности не только раздѣлить общаго съ семьей багажа, но даже не позволяли передавать оставшимся въ полномъ отчаяніи матерямъ, женамъ или сестрамъ необходимыя деньги, ни даже проститься съ ними.

Крупный багажъ всѣхъ этихъ несчастныхъ пропадалъ на различныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ Германіи; даже ручныя дорожныя вещи русскихъ зачастую

выбрасывались поѣздной прислугой и военными изъ оконъ вагоновъ (сообщеніе, между прочимъ, россійскаго посланника въ Стуттартѣ).

Высшее начальство и офицеры въ большинствѣ случаевъ вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ образумленію слишкомъ усердныхъ и грубыхъ нижнихъ чиновъ, напротивъ того, поощряли на жестокое обращеніе съ ни въ чемъ неповинными путешественниками, которыхъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обыскивали, а иногда при этомъ раздѣвали. Обыски женщинъ въ нѣкоторыхъ транспортахъ дѣлались офицерами и нижними чинами. Удостовѣренъ, напримѣръ, случай, что женщину, принявъ ее за мужчину, исколотили три полицейскихъ и, отведя въ сторону, убѣдились въ ошибкѣ лишь по ея тонкому бѣлью (сообщеніе сенатора гр. Палена). Не стѣснялись рѣшительно ни съ кѣмъ; такъ, въ ночь съ 25-го на 26-е іюля, въ 4 часа утра, на станціи Неймюнстеръ, пожилая супруга Намѣстника Его Величества на Кавказѣ, статсъ-дама графиня Воронцова-Дашкова была вытолкана пьяными солдатами ударами прикладовъ изъ вагона, причемъ они ее грубо обыскали, хватая за волосы.

При перевозкѣ группами, иногда по нѣсколько сотъ русско-подданныхъ вмѣстѣ, послѣдніе запирались въ товарныхъ вагонахъ; никакія объясненія, ни мольбы офицеровъ и желѣзнодорожныхъ чиновъ, въ рукахъ коихъ находились несчастные, просящіе выпустить ихъ на станціяхъ для удовлетворенія естественной нужды. Такъ, врачъ (д-ръ Перешивкинъ, ассистентъ хирургической клиники Военно-Медицинской Академіи), находившійся при одномъ изъ такихъ транспортовъ, свидѣтельствуетъ, что между путешественниками были больные почками и пузыремъ, прервавшіе курсъ лѣченія въ Вильдунгенѣ; ихъ, напримѣръ, 21-го іюля на перегонѣ Алленштейнъ—Маріенбургъ въ теченіе 14 часовъ не выпускали

изъ товарнаго вагона, въ которомъ они были заперты вмѣстѣ съ женщинами, числомъ значительно болѣе 40; они должны были пройти черезъ невыносимыя боли, вызываемыя въ такихъ случаяхъ болѣзнью почекъ. Отвѣтомъ на просьбы о выпускѣ изъ вагоновъ съ объясненіемъ причинъ было издѣвательство со стороны офицера и нижнихъ чиновъ. Когда, наконецъ, разрѣшено было выйти изъ вагоновъ, всѣ, безъ различія пола и возраста, должны были оставаться около самаго вагона подъ присмотромъ солдатъ. Объ аналогичныхъ фактахъ свидѣтельствуютъ многіе другіе пострадавшіе.

Въ Сасницѣ транспорты такихъ же несчастныхъ помѣщались на взморьѣ на солнцепекѣ; просьбы разрѣшить провести хотя бы нѣсколько часовъ въ близъ лежащей гостиницѣ, за очень рѣдкими исключеніями, грубо отклонялись.

Даже тяжело больные подвергались такому же жестокому обращенію. Напримѣръ, въ Бреславлѣ супруга начальника канцеляріи Министра Путей Сообщенія г-жа Туганъ-Барановская, несмотря на только что перенесенную операцію, подверглась нападенію толпы, причемъ были сорваны перевязки, наложенныя послѣ операціи; затѣмъ она посажена была въ тюрьму, гдѣ ее продержали три дня. Изъ тюрьмы ее погнали черезъ весь городъ вмѣстѣ съ многочисленными другими русскими на станцію Одербангофъ; здѣсь ихъ нагрузили въ угольные вагоны, въ которыхъ еще оставались угольные отбросы. Наконецъ, 23-го іюля всѣ эти несчастные были выброшены на произволъ судьбы въ Вильгельмбрюкѣ недалеко отъ русскаго пограничнаго пункта Верушова, до котораго имъ пришлось добраться пѣшкомъ. Г-жа Туганъ-Барановская 31-го іюля скончалась въ Петроградѣ, куда она привезена была въ безнадежномъ состояніи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, при ожиданіяхъ поѣздовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ

Алленштейнѣ, Торнѣ и др. промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ совсѣмъ не было ѣды), когда невыносимо тяжелое положеніе, въ которомъ оказывались наши соотечественники, и могло бы, до извѣстной степени, оправдываться условіями военнаго времени, нѣмецкіе офицеры вмѣсто того, чтобы постараться облегчить участь несчастныхъ дамъ и дѣтей, хотя бы словами успокоенія, доводили свои жертвы до полнаго отчаянія насмѣшками и угрозами, увѣряя, напримѣръ, что всѣхъ повезутъ въ Шпандау, причемъ мужчинъ разстрѣляютъ, и т. п., или же разсказывая о побѣдахъ нѣмецкой арміи, которая, высадившись въ Финляндіи, уже подходитъ къ Петрограду, и т. д.

Совершенно варварскимъ истязаніямъ подвергали также и мужчинъ. Такъ, арестованный въ ночь на 26-е іюля на станціи Неймюнстеръ, вслѣдствіе телеграфнаго предписанія изъ Берлина, членъ Государственнаго Совѣта Шебеко былъ посаженъ въ одной изъ станціонныхъ комнатъ на диванъ, при чемъ два солдата съ направленными на него дулами ружей, смѣнявшіеся каждый часъ, не отходили отъ него ни на шагъ; открытыя въ ресторанъ двери охранялись также солдатами. Изъ ресторана и открытыхъ оконъ все время раздавались враждебные возгласы многочисленной, несмотря на ночное время, толпы кричавшей солдатамъ: «Когда же вы, наконецъ, застрѣлите этого русскаго шпіона? Убейте эту русскую собаку!» Въ такомъ положеніи г. Шебеко просидѣлъ съ 4-хъ часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни, послѣ чего былъ отправленъ въ тюрьму для уголовныхъ преступниковъ, гдѣ его подвергли обычному допросу, обыску съ раздѣваніемъ до-гола и т. д. Черезъ сутки онъ былъ отпущенъ безъ объясненія причинъ такого съ нимъ обращенія.

Другимъ русскимъ пришлось безъ всякаго основанія къ подозрѣнію ихъ въ шпіонствѣ просидѣть въ одиночномъ заключеніи въ Штеттинѣ до 7 сутокъ на строжайшемъ тюремномъ режимѣ и арестантской пищѣ (такъ,

напримѣръ, баронъ Кронебергъ, Михальскій и Сидоровъ просидѣли въ тюрьмѣ сначала въ Познани, затѣмъ 7 дней въ Штеттинѣ, 21—30 іюля).

Вообще русскихъ въ обращеніи съ ними приравнивали къ осужденнымъ уголовнымъ преступникамъ; такъ, ихъ заставляли въ крайне грязныхъ камерахъ одиночнаго заключенія убирать нечистоты послѣ прежде помѣщенныхъ въ этихъ камерахъ преступниковъ (напр., въ Бреславльской тюрьмѣ камера № 413, 22-го іюля; показ. инженера пут. сообщ. Гиршмана).

Слѣдствія такого обращенія оказались роковыми для многихъ нашихъ соотечественниковъ: уже на пути (въ Сасницѣ) русскіе врачи, находившіеся въ числѣ путешественниковъ, могли констатировать по нѣсколько случаевъ остраго психическаго разстройства (острый психозъ); у многихъ дамъ сдѣлались отеки ногъ съ язвами, у дѣтей появились желудочно-кишечныя заболѣванія, кровавые поносы и т. п.

Всѣ вышеупомянутые факты, какъ было сказано выше, были тщательно провѣрены и засвидѣтельствованы отчасти самими потерпѣвшими, отчасти же очевидцами всѣхъ этихъ звѣрствъ. Кромѣ уже упомянутыхъ, мы можемъ переименовать, между прочимъ, еще слѣдующихъ лицъ: сенаторъ графъ Паленъ, предсѣдатель Петроградской городской думы, сенаторъ Ивановъ, Главный Редакторъ «Правит. Вѣстн.», шталм. кн. Урусовъ, членъ Госуд. Думы Свѣнцицкій, Новоладожскій предводитель дворянства, камергеръ Шварцъ, кн. Пав. А. Урусовъ съ женой, шталмейстеръ баронъ Л. Кноррингъ, инженеръ путей сообщенія Гиршманъ, генералъ-лейтенантъ фонъ-Бекъ, д. с. с. Колачевъ, княжна Ухтомская, д. с. с. Хованскій, камеръ-юнкеръ Пистолькорсъ съ супругой, графъ и графиня Канкрины, кандидатъ химіи Смольниковъ и г-жа Демидова, графиня Орлова-Давыдова, г-нъ Плеске и многіе другіе.

Въ Россіи германскіе подданные не подверглись со стороны русскихъ властей и публики никакимъ преслѣдованіямъ или издѣвательству, которыя хотя бы отчасти походили на то, что пришлось претерпѣть русскимъ въ Германіи. По отношенію лишь къ нѣкоторымъ категоріямъ германскихъ подданныхъ приняты мѣры, вызываемыя государственною необходимостью и притомъ не носящія характера какой бы то ни было жестокости или злобы.

Только распространившіеся въ Петроградѣ слухи о безчинствахъ нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, дошедшія сюда въ этотъ день подробности отъѣзда изъ Берлина нашихъ дипломатическихъ представителей, возбудили у насъ общественное мнѣніе и вызвали прискорбное нападеніе со стороны уличной толпы на зданіе германскаго посольства. При этомъ нападеніе это явилось столь неожиданнымъ и единодушнымъ взрывомъ народнаго негодованія, что власти оказались безсильными во время остановить толпу. Но этотъ прискорбный случай является единственнымъ, и столичныя власти приняли немедленно всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ и обратились къ населенію съ воззваніемъ, приглашая его подъ страхомъ строжайшихъ наказаній не посягать на жизнь и имущество германскихъ подданныхъ.

Съ тѣхъ поръ въ Россіи не произошло ни одного случая совершенія насилія надъ подданными Германіи или Австро-Венгріи.

Въ заключеніе нельзя не указать на то обстоятельство, что, по удостовѣренію большинства возвратившихся изъ Германіи русско-подданныхъ, возбужденіе мирныхъ жителей противъ русскихъ, главнымъ образомъ, объясняется дѣйствіями и распоряженіями германскаго правительства, которое съ самаго обостренія политическаго кризиса приняло всѣ мѣры, чтобы вселить подозрѣніе противъ Россіи и русскихъ подданныхъ. Германскіе прави-

тельственные органы въ своемъ подстрѣкательствѣ дошли до того, что объявили, что Германія наполнена шпіонами, съ которыми слѣдуетъ бороться всѣми способами.

Гаагская конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны 18-го октября 1907 года, подъ которой, между прочимъ, стоитъ и подпись Германіи, постановляетъ въ 4 статьѣ приложенія, что съ военно-плѣнными надлежитъ обращаться человѣколюбиво (Ils doivent être traités aves humanité). Тѣмъ болѣе такое человѣколюбивое обращеніе обязательно для каждаго воюющаго государства по отношенію къ тѣмъ подданнымъ непріятельской державы, которые не взяты ими въ плѣнъ во время военныхъ дѣйствій, а случайно оказались въ моментъ объявленія войны на его территоріи.

Настоящее сообщеніе обращается къ правовому сознанію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, представляя на ихъ судъ всѣ вышеприведенные факты возмутительнаго насилія надъ русско-подданными. Мы твердо увѣрены, что міровая совѣсть заклеймитъ позоромъ поведеніе Германіи, возвращающее насъ къ самымъ темнымъ временамъ средневѣковья.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Крикъ изъ Бельгіи.

Становится холодно и жутко, когда читаешь объ ужасахъ нѣмецкаго звѣрства въ Бельгіи. Вотъ гдѣ нѣмецкая злоба распоясалась. Прочтите этотъ вопль изъ Бельгіи и задайте себѣ вопросъ: за что эту мирную прекрасную страну превратилъ Вильгельмъ въ развалины?

Бельгійское правительство сообщаетъ:

5/18-го августа текущаго года бельгійское королевское правительство препроводило испанскому королевскому правительству, которому оно поручило защиту интересовъ бельгійцевъ во враждебныхъ государствахъ, ноту протеста для врученія германскому правительству. Эта нота, довольно пространная, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

«Бельгія, желавшая мира, была вынуждена Германіей взяться за оружіе и противопоставить законную оборону нападенію, ничѣмъ неоправдываемому и противному торжественнымъ договорнымъ обязательствамъ. Въ этой борьбѣ Бельгія считаетъ своимъ долгомъ сражаться честно, съ соблюденіемъ всѣхъ законовъ и обычаевъ войны. Немедленно по вступленіи германскихъ войскъ на бельгійскую территорію, королевское правительство расклеило во всѣхъ общинахъ, а также воспроизвело во

всѣхъ газетахъ распоряженіе, строго воспрещающее лицамъ, неимѣющимъ отношенія къ войскамъ, враждебные акты противъ солдатъ и офицеровъ, вступившихъ въ страну.

Германское правительство утверждаетъ, что бельгійское населеніе нарушаетъ международное право и не заслуживаетъ поэтому никакого уваженія. Бельгійское правительство энергично протестуетъ какъ противъ подобныхъ обвиненій, такъ и противъ недостойныхъ угрозъ репрессіями. Если, можетъ быть, и удастся установить впослѣдствіи тотъ или иной фактъ, противный международному праву, то, чтобы справедливо судить о немъ, слѣдуетъ считаться съ тѣмъ возбужденіемъ, которое было вызвано въ бельгійскомъ населеніи жестокостями, учиненными германскими солдатами. Если бы мы пожелали опубликовать весь списокъ этихъ жестокостей, изъ которыхъ называемъ лишь первыя, то онъ оказался бы очень длиннымъ. Цѣлыя области были опустошены, и гнусныя преступленія совершены во многихъ деревняхъ. Спеціальная комиссія, учрежденная при бельгійскомъ министерствѣ юстиціи съ полнымъ безпристрастіемъ и тщательностью занимается составленіемъ списка всѣхъ этихъ ужасовъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько фактовъ: 1) Германскій уланскій отрядъ, занимавшій Ленсмо (Linsmeau), былъ атакованъ нѣсколькими бельгійскими пѣхотинцами и двумя жандармами, перечисленными въ стрѣлки. При этомъ одинъ германскій офицеръ былъ убитъ. Германскіе солдаты заявили, что на офицера произвели нападеніе жители Ленсмо. Слѣдствіе установило полную лживость этого утвержденія. Не взирая на это, въ понедѣльникъ, 10-го (23-го) августа, деревня была внезапно захвачена многочисленными германскими уланами, за которыми слѣдовали артиллерія и пулеметы. Пушечными выстрѣлами германскія войска зажгли и разрушили двѣ фермы

и 6—7 домовъ. Они заставили все мужское населеніе деревни выйти изъ домовъ и выдать имѣвшееся у нихъ оружіе. Хотя среди этого оружія германцы не нашли ни одного ружья, которое представляло бы слѣды свѣжихъ выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе, 11 крестьянъ были перевязаны веревками и поставлены въ канаву, гдѣ ихъ впослѣдствіи нашли съ черепами, раздробленными прикладами ружей. 2) Въ Вельмѣ (Velm) въ то время, когда его населеніе спало, германцы проникли въ деревню, зажгли ее и увезли съ собою почти обнаженную женщину за версту отъ ея дома. Тамъ они ее отпустили и стали стрѣлять по ней, когда она бѣжала отъ нихъ; къ счастью, выстрѣлы оказались безрезультатными. Мужа этой женщины германцы отвели въ другую сторону отъ деревни и произвели въ него три выстрѣла. Этотъ человѣкъ теперь при смерти. 3) Въ Неерхеспенѣ (Neerhespen) германцы разрѣзали одному старику руку на три продольныхъ полосы, а затѣмъ повѣсили его за ноги и сожгли живого. Въ Орсмалѣ (Orsmael) у нѣкоторыхъ лицъ были отрѣзаны половые органы. Молодыя дѣвушки и дѣти были изнасилованы. Велосипедистъ-карабинеръ, раненый и взятый въ плѣнъ, былъ повѣшенъ, а бельгійскій солдатъ, который хотѣлъ оказать ему помощь, былъ разстрѣлянъ подъ телеграфнымъ столбомъ на дорогѣ въ Сенъ-Тронъ.

Сообщая объ этихъ нѣсколькихъ фактахъ, бельгійская миссія считаетъ своимъ долгомъ напомнить, что лондонскимъ трактатомъ, подписаннымъ 19-го (7-го) апрѣля 1839 г., король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, одновременно съ монархами четырехъ великихъ державъ, торжественно гарантировалъ Бельгіи неприкосновенность и нейтралитетъ ея территоріи.

Заключеніе.

Еще дымится горячая кровь невинныхъ жертвъ нѣмецкой жестокости, а у насъ уже находятся добровольцы-адвокаты изъ породы Маниловыхъ, защищающіе Вильгельма и его звѣроподобныхъ лейтенантовъ.

Они, видите ли, эти недоумки ищутъ справедливости и боятся преувеличеній. Они философствуютъ и разсуждаютъ о значеніи огня въ то время, когда горитъ храмъ и святилищамъ угрожаетъ опасность.

Маленькіе и жалкіе люди! какъ будто намъ легче станетъ, когда они докажутъ, что нѣмцы изнасиловали не трехъ женщинъ, а всего лишь двухъ или—разстрѣляли не трехъ священниовъ, а только одного.

Они, невинные кролики, неполучившіе пока еще ни одной царапины, ищутъ правды для... Вильгельма.

Злодѣй міра, всю жизнь лелѣявшій мысль о порабощеніи вселенной, каменносердное чудовище, придавившій солдатскимъ сапогомъ всякое проявленіе свободной мысли, міровой кошмаръ, душившій народы,—находитъ защитниковъ! И гдѣ? Въ Россіи!..

Но Богъ съ ними, съ этими защитниками. Не до нихъ теперь,

Мы сейчасъ живемъ наканунѣ величайшей мiровой трагедiи: нѣмцы подходятъ къ Парижу.

Зимней стужей вѣетъ отъ сознанiя, что это несчастье возможно.

Царство солдатъ и галантерейныхъ приказчиковъ идетъ на царство ума, красоты и благородства.

Такой небывалой, такой ужасной несправедливости мiръ не допуститъ. Благоуханный цвѣтокъ земли не будетъ растоптанъ нѣмецкимъ каблукомъ. Человѣчество не дастъ вырвать изъ мiрового кольца драгоцѣннѣйшiй камень, именуемый Францiей.

Вѣдь вмѣстѣ съ Францiей погибнетъ все, чѣмъ люди живы были, чему поклонялись народы; не станетъ великой любви къ свободѣ и равенству, исчезнетъ красота и притупится острiе человѣческаго ума.

Да не будетъ этого.

На долю Россiи выпала трудная, но благородная задача: спасти Францiю и снять съ мiра тяжелое иго тевтонцевъ.

И не даромъ поднялась великая Русь. Грозная сила крѣпко шествуетъ впередъ; и близокъ часъ расплаты.

Да поможетъ ей Богъ!
